

Ирена Сытник

Лианна Сереброволосая

Сказки для больших девочек

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Ирена Р. Сытник

Лианна Сереброволосая

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36056256

SelfPub; 2018

Аннотация

Дикарка, ставшая святой. Рабыня, ставшая королевой. Королевой гордых, смелых, независимых виолок. Виолки – кто они? Откуда пошли? Кому обязаны силой и славой? На все эти вопросы вы получите ответы в этом произведении. Встречайте новую героиню – Лианну Сереброволосую, королеву виолок! Содержит нецензурную брань.

ЛИАННА СЕРЕБРОВОЛОСАЯ

Аннотация:

Дикарка, ставшая святой. Рабыня, ставшая королевой. Королевой гордых, смелых, независимых виолок.

Виолки – кто они? Откуда пошли? Кому обязаны силой и славой?

На все эти вопросы вы получите ответы в этом произведении. Встречайте новую героиню – Лианну Сереброволосую, королеву виолок!

Вступление

Льяна родилась и выросла на юге Бритландии, в прибреж-

ной горной местности, удаленной от столицы и часто посещаемой пиратами и бродягами-ассветами. Морские разбойники грабили местных жителей без стыда и совести, убивали мужчин и увозили красивых женщин и юных девушек. Пастухи, рыбаки и охотники, населявшие побережье, выработали много способов борьбы с грабителями и насильниками. Они создали отряды самообороны во всех больших поселениях и придумали систему единоборств, благодаря которой любой житель мог сам постоять за себя.

Отец Льяны был удачливым охотником, и семья девушки жила хоть и небогато, но и не бедствовала. Кроме самой Льяны у Золана Абора росли еще четыре сына и две дочери. Старшие жили своими семьями, остальные оставались при родителях.

Из всех детей Абора Льяна была самой младшей – последышем. Она родилась, когда этого уже никто не ждал, поэтому ей и дали имя Льяна, что значит «неожиданность».

Льяна росла живым непоседливым ребенком, любимицей всей семьи. Её баловали, особенно отец, на которого она походила больше, чем все остальные дети. Может поэтому, вместо того, чтобы проводить время на кухне или за ткацким станком, как старшие сестры, она пропадала с отцом на охоте или обучалась под его руководством приемам самообороны. К пятнадцати годам девушка овладела всеми приемами, которые были известны ее отцу или старшим братьям, прекрасно ориентировалась в лесу и отлично стреляла из охот-

ничьего арбалета и лука. Девушка управлялась с палицей и ножом не хуже любого солдата. Но совершенно равнодушно относилась к домашней работе и подготовке приданого, чем должна была заниматься девушка её возраста.

Глядя на дочь, мать Льяны сокрушенно вздыхала и тщетно старалась усадить её за прялку. Отец, видя, что его потакания прихотям любимицы зашли слишком далеко, попытался исправить положение, но было уже поздно. Своевольная девушка бросала прялку и ткацкий станок и незаметно исчезала из дома, стоило матери на минуту выпустить её из поля зрения. Она бродила неизвестно где, возвращаясь только вечером, усталая, голодная, исцарапанная, но не раскаявшаяся. Ни уговоры, ни наказания не помогали, и однажды случилось то, что и должно было случиться: Льяна исчезла. Убежав из дома после обеда, она не вернулась вечером, как обычно. Не вернулась и утром, и обеспокоенный отец отправился на поиски. Опытный охотник, он быстро напал на след, и, продвигаясь по нему, вскоре вышел на побережье, где, по следам на песке, прочел всё, что случилось с дочерью.

Пораженный в самое сердце, он долго не хотел верить в открытие, метался среди скал и звал дочь, но девушка не могла отозваться на его горестный зов.

Лишь поздно вечером возвратился Золан домой и рассказал семье, что случилось. Убитая горем мать на несколько дней слегла в постель, а сестры оплакивали малышку, словно она умерла. Но то, что случилось с беззаботной девушкой,

казалось хуже смерти – ее похитили пираты.

– 1 –

Льяна бродила по берегу моря в поисках прозрачных красных камней, которые щедро выбрасывали волны после больших штормов. Из них городские ювелиры делали чудесные ожерелья. И случайно наткнулась на стоянку пиратов. Хотя девушка владела приемами самообороны, но растерялась от неожиданности. Она была неопытным бойцом, ни разу не участвовала в турнирных схватках. Оттого и стала лёгкой добычей десятка ловких и сильных мужчин. Несмотря на яростное сопротивление поздно опомнившейся девушки, ее крепко связали и переправили на корабль, где приковали цепью к железному кольцу. В трюме находились еще несколько несчастных пленников.

Первые дни Льяна пребывала в глубоком шоке, потрясенная произошедшей в жизни переменой, но затем молодость и беззаботность взяли верх над унынием, и девушка решила, что нет худа без добра. Хотя она стала пленницей, а в скором времени – чьей-то рабыней, зато теперь повидает мир, другие страны, чего была бы лишена, живя на Врите.

Общительная по характеру, Льяна быстро перезнакомилась со всеми пленниками и подружилась с ближайшими соседками – алмошкой и марлозкой. За время путешествия даже усовершенствовала ассветский язык, на котором немного

говорила, как все приморские народы. Этот язык давно стал международным торгово-морским диалектом.

Пленники думали, что пираты отвезут их в ближайший крупный порт и продадут работоторговцу, но вышло не так. Капитан отправился на остров Рюс – пиратскую базу. Здесь морские разбойники, чувствовавшие себя в безопасности, сначала «расслабились», сопровождая отдых обильной выпивкой и драками, затем открыли торги, выставив на продажу пленных девушек.

Льяна оказалась третьей, к тому же, самой юной и симпатичной рабыней. За нее разгорелся ожесточенный торг, и цена стремительно взлетела. Когда она достигла невероятной высоты, девушку купил капитан Беррис – старый морской волк, прославившийся жестокостью и хладнокровием. Он был сыном ассвета и портовой шлюхи из Алдании, поэтому ненавидел как одних, так и других.

Купив девушку за сумасшедшую сумму, он отвел ее на свой корабль и запер в капитанской каюте. Сидя в сумраке тесного помещения, Льяна дрожала от страха, догадываясь, что ее ждёт. Она понимала, что Морской Удав (так называли пираты Берриса между собой) – противник слишком сильный, чтобы она могла долго сопротивляться. Рассердившись, он впадал в ярость, и в приступе гнева мог убить родную мать (что, по слухам, и сделал во времена юности).

Но, унаследовавшая гордый и независимый характер своего народа, воспитанная в духе мужества и отваги, Льяна все

же решила не поддаваться насилию и стоять за свою честь до конца, как и полагается дочери Золана Абора.

К вечеру, когда в замочной скважине послышался скрежет ключа, Льяна почти перестала дрожать, и была полна решимости драться. Но когда посмотрела на хмурое лицо Берриса, то почувствовала, как решительность тает без следа, а тело вновь охватывает дрожь.

Капитан запер дверь, медленно снял куртку, бросил на пол и прошёл к сундуку, на котором располагалась постель. Тяжело опустившись на ложе, вытянул ноги и приказал:

– Разуй меня!

Льяна выбралась из угла, где просидела весь день, словно затравленный зверек, и, опустившись на колени, с трудом стянула грязные сапоги. Затем вопросительно взглянула на хозяина.

– Налей вина! – последовала другая команда.

Льяна подошла к настенному шкафчику, где хранились серебряные кубки и бутылки с дорогим вином.

– Это? – спросила, беря в руки початую бутылку.

– Да.

Девушка наполнила кубок до краёв и подала капитану. Тот отпил половину и взглянул на рабыню.

– Налей и себе, – приказал.

– Я не буду пить, – решительно отказалась Льяна.

– Как хочешь, – равнодушно пожал плечами Беррис и допил кубок. – А мне плесни ещё.

Льяна приблизилась к капитану и снова наполнила кубок. Отвернувшись, чтобы поставить бутылку, она ощутила, как сильная рука обхватила её за талию. Не успела девушка опомниться, как уже сидела на коленях пирата.

– Улыбнись, малышка, не будь такой хмурой, – осклабился Беррис. – Выпей, это развеселит тебя, – приказал, поднося к губам девушки кубок.

– Не хочу! – упрямо поджала губы Льяна и постаралась отвернуться.

– Вижу, мне досталась строптивая рабыня, – усмехнулся капитан, и от его недоброй улыбки девушку пробрала дрожь. – Но это к лучшему, я люблю укрощать строптивых. Так даже интересней.

Осушив кубок, капитан швырнул его в угол и привлёк девушку к себе, пытаясь поцеловать. И тут Льяна оправдала своё имя, потому как последующие действия оказались неожиданными даже для неё самой. Она взмахнула рукой, в которой всё ещё держала бутылку, и обрушила тяжесть сосуда на голову капитана. Удар пришёлся в висок. Бутылка разбилась, залив лицо отключившегося пирата вином, смешанным с кровью.

Дрожащая, с бешено колотящимся сердцем, Льяна выскользнула из ослабевших объятий и отступила к двери. Потерявший сознание капитан тяжело завалился набок. Девушка подёргала дверь, но она была заперта. Тогда она бросилась к куртке, предполагая, что ключ там. Он, в самом деле, ле-

жал в кармане. Льяна уже хотела открыть дверь и выбежать наружу, но вовремя спохватилась.

"Не сошла ли я с ума? – промелькнула отрезвляющая мысль. – Что я делаю, куда побегу? Меня тут же схватят, а очнувшийся капитан просто изрежет на куски! Нужно хорошенько всё обдумать, а потом уже действовать...".

Девушка вспомнила одно из правил раторрской борьбы: «У бойца должны быть холодное сердце, быстрый ум и зоркие глаза, а всё остальное приложится в процессе обучения». И хотя Льяна отличалась повышенной эмоциональностью, но двумя остальными качествами обладала в полной мере. Поэтому опустилась на пол, постаралась успокоиться и составить план бегства.

По сути, Льяна была ещё совсем девчонкой: пятнадцать лет возраст незрелости даже для девушек Вритландии. Но она обладала здравым смыслом и смекалкой дикарки, а также решительностью и отвагой своего народа. Приняв решение, девушка больше не колебалась.

Склонившись над ещё не пришедшим в себя капитаном, она расстегнула пояс с ножнами и с трудом вытянула из-под бесчувственного тела. Вынув меч, взвесила в руке. Клинок показался тяжеловатым, но тренированные руки вритландки могли управиться с ним.

Теперь Льяне предстояло выполнить самую важную и неприятную часть плана. Прикрыв глаза, девушка несколько раз глубоко вздохнула, набираясь решимости. Перехватив

покрепче рукоятку меча, подступила к неподвижному телу.

Но тут капитан застонал и зашевелился. Он открыл глаза и с трудом сфокусировал на девушке мутный взгляд. Увидев в её руках меч, прохрипел:

– Что это значит, стерва? Уж не собралась ли ты меня прикончить?

– Да! – не очень решительно ответила девушка.

– Не шути так, а то я обхохочусь. А у меня болит башка, и мне не до шуток... Кстати, что это было? – капитан вытер лицо ладонью и посмотрел на красную жидкость на пальцах. Понюхав, лизнул её и сплюнул.

– Ты дала мне по башке бутылкой? Вот сука!

– Ещё одно ругательство, и я перережу тебе горло! – с угрозой произнесла девушка.

Капитан взглянул исподлобья и проворчал:

– Ну, погоди, поганый крысёныш... Доберусь я до тебя! Ты у меня ещё повизжишь, как недорезанный свин, когда я возьму в руки плеть... Отдай меч, сучья дочь!.. – внезапно рывкнул капитан, и Льяна невольно вздрогнула от властного окрика. Беррис заметил её реакцию, зловеще усмехнулся и вдруг, несмотря на массивность и рану, рванулся к девушке, словно подброшенный пружиной.

Льяна действовала скорее инстинктивно, чем осмысленно. Она подняла руки, в которых крепко держала нацеленный вперёд меч, скорее прикрываясь, чем атакуя. Когда капитан бросился вперёд, лезвие вошло точно во впадинку

между ключицами. Капитан захрипел и упал на колени, захлабываясь кровью. Глаза удивлённо таращились на девушку, пока в них не угасла искра жизни.

Льяна потянула меч, и он вышел с глухим причмокиванием. К горлу подкатила внезапная тошнота, но усилием воли девушка сдержалась. Руки начали дрожать – запоздалая реакция на пережитое напряжение. Это было её первое убийство. Нельзя сказать, что девушка боялась вида крови – дома, помогая матери на кухне, она часто забивала птицу или резала ягнёнка; свеживала и разделывала дичь, бывая с отцом на охоте. Но убийство человека и животного немного отличаются. Хотя какая, в принципе, разница? Разве только моральная...

Льяна вытерла окровавленное лезвие и спрятала меч в ножны. Прислушалась, но на корабле царила тишина – все матросы гуляли на берегу. На судне, кроме мертвеца и пленницы, должен был находиться вахтенный матрос, да и тот, наверное, дремал где-нибудь в укромном уголке.

Девушка сбросила постель на пол и открыла сундук. В нём лежал всякий хлам, но нашлись здесь и полезные вещи. Льяна подобрала себе удобную одежду, вместо порванного и грязного платья. А на самом дне лежал небольшой, украшенный серебром и резной костью арбалет с набором стрел.

Переодевшись и подпоясавшись поясом Берриса, Льяна осторожно выглянула за дверь. Снаружи стемнело настолько, что невозможно рассмотреть человека, но ещё достаточ-

но светло, чтобы не спотыкаться на каждом шагу. Вернувшись в каюту, она собрала в кучу своё тряпье и плеснула на него масло из лампы. Уже поднеся огонь, на мгновение задержалась, а затем склонилась над мертвецом и обшарила тело. Как она и предполагала, за пазухой отыскался изрядно похудевший кошелёк, в котором всё же нашлось несколько золотых. Подвесив кошель на пояс, Льяна подожгла пропитанную маслом одежду и покинула каюту, закрыв её на ключ, который швырнула в воду.

Крадучись, девушка пошла к трапу. Её предосторожность оказалась нелишней: возле сходней, облокотившись о борт и глядя на освещенный огнями пиратский посёлок, стоял часовой. Его силуэт чётко обрисовывался на фоне береговых огней.

Льяна на ощупь вынула из сумки стрелу, вставила в гнездо арбалета и натянула тетиву. Тщательно прицелилась и выстрелила. Стрела попала туда, куда и хотела девушка, и часовой, не успев даже вскрикнуть, рухнул за борт. Притаившись в тени, Льяна выждала некоторое время, но на палубе царила тишина.

Второе убийство далось намного легче и удвоило уверенность девушки. Легко и осторожно сбежав по трапу, Льяна свернула в сторону от пиратского поселка и растаяла в темноте.

Уже взбираясь на поросший кустарником скалистый холм, она оглянулась и увидела, далеко внизу, пылающий ко-

рабль и суетящихся на берегу людей.

Шагом опытного охотника девушка углубилась в тёмный лес и укрылась в чаще, устроив временное логово в куче листьев под корнем поваленного бурей дерева.

– 2 –

Утром Льяна продолжила путь. Пробираясь лесом, пересекла за день весь остров и вышла на южный берег. Здесь, в узкой извилистой бухте, стояли три корабля. По берегу бродили толпы подвыпивших матросов, которые заходили в какую-то сбитую из досок хижину. Оттуда доносились шум голосов, нестройная музыка и пьяный хохот.

Льяну мучил голод и терзала усталость. Она мечтала покинуть остров, и желательно поскорей. Но сделать это можно было только на одном из кораблей. А для этого нужны три вещи: удача, смелость и наглость.

Укрывшись на пригорке, Льяна внимательно осмотрела бухту. Она обратила внимание, что на мачтах кораблей развеваются голубые вымпелы корсаров. Общеизвестно, что пираты и корсары не очень ладят между собой. Девушка посчитала это хорошим предзнаменованием. Удачей было и то, что она сразу вышла к этой бухте, а не бродила по пустынному побережью. Значит, боги благоволят ей. Смелости после победы над Морским Удавом у неё прибавилось вдвое, а наглости придётся учиться по ходу действия.

Когда на остров опустились вечерние сумерки и у входа в хижину загорелись масляные фонари, Льяна покинула укрытие. Отряхнув костюм и повесив через плечо заряженный арбалет, повязав голову платком, спустилась вниз.

В сумерках, на берегу, на неё никто не обратил внимания. Но когда она вошла в хижину, набитую моряками, сидевшими за длинными столами, в её сторону сразу повернулись несколько голов. Постепенно шум, царивший в хижине, стих, и на девушку уставились десятки любопытных глаз.

Льяна остановилась у порога и окинула забегаловку быстрым взглядом. Она походила на длинный амбар, в противоположном конце которого, отгороженные от зала стойкой из толстых досок, чадила кухня и возвышался шкаф с винными бутылками. Перед стойкой пустовало пространство с плотно утрамбованной землёй – в хижине не было пола. Под стеной сидели несколько музыкантов, брэнчавших на расстроенных инструментах. Под другой стеной, на длинной скамье, сидели танцовщицы, не столько одетые, сколько раздетые, увешанные дешёвыми побрякушками. Длинные узкие столы с лавками вдоль них, стояли под стенами, а ближе к стойке располагались несколько отдельных столиков, очевидно, для особых гостей. В широком проходе валялся мусор и объедки, темнели подозрительные бурые пятна, похожие на высохшую кровь.

Сопровождаемая откровенными любопытствующими взглядами, Льяна пошла по проходу, сдвинув арбалет под

руку, и, словно небрежно, положив ладонь на ложе приклада. Подойдя к стойке, бросила на столешницу золотую монету и сказала стоявшему за ней огромному толстяку:

– Дай мне чего-нибудь, посытней и повкусней.

Толстяк взглянул на золотой, сгрёб монету в пухлую ладонь и расплылся в улыбке:

– Как прикажешь, госпожа.

Он выплыл из-за прилавка, словно огромный пивной бо-
чонок на ножках, подошёл к одному из отдельно стоящих
столиков и вытер столешницу концом грязного фартука.

– Садись, госпожа... У Толстого Элида самая лучшая на
этом проклятом острове еда. Чего госпожа желает: мяса, гри-
бов, рыбы, моллюсков? А может, рагу из почек чайки?

Льяна не знала, насмехается толстяк или говорит серьёз-
но, но, на всякий случай, нахмурилась и грубо ответила:

– Я уже сделала заказ, ступай и выполни его, пока я не
сделала рагу из твоих почек!

Толстый Элид изобразил на жирном лице сладкую улы-
бочку и кивнул, тряся несколькими подбородками. Уплыв на
кухню, вернулся через несколько минут с большой тарелью,
на которой лежало три куска жареного на решётке мяса, пе-
чёные овощи и несколько свежих лепёшек. В другой руке он
держал три бутылки и деревянную кружку. Поставив тарель
и кружку на стол, спросил, всё так же сладко улыбаясь:

– Какое вино будет пить госпожа: илларийское, алмост-
ское, марлозское?

– Никакое, – ответила девушка. – Я не пью вина.

– Тогда, может, принести козьего молока?

Услышав его слова, несколько мужчин язвительно хохотнули. Льяна положила на стол арбалет, направив его в живот толстяка, и ответила:

– Вообще-то я предпочитаю свежую горячую кровь... Смотрю, у тебя есть лишняя... Отойди, ты возбуждаешь во мне аппетит.

Толстяк перестал улыбаться. Он не знал, шутит девушка или говорит серьезно, но, на всякий случай, отступил от стола и поспешно ушёл.

Услышав слова девушки и увидев, что Толстяк Элид явно перетрусил, зал взорвался хохотом.

Постепенно в хижине воцарились прежние шум и гам, запиликала музыка, несколько танцовщиц вышли на пяточок и начали соблазнительно изгибать худые тела.

Льяна, несмотря на голод, ела не спеша, не забывая окидывать зал внимательным взглядом. Она сразу заметила высокого плечистого ассвета, сидевшего в компании молодых крепких матросов. Выглядел он лет на двадцать пять, и на фоне товарищей казался щёголем, благодаря аккуратной красивой добротной одежде. Незнакомец не был чистокровным ассветом: с его золотисто-рыжими волосами гармонично сочетались темные брови, ресницы и карие глаза. Парень не сводил с девушки пристального взгляда, а когда увидел,

что Льяна заканчивает ужин, оставил товарищей и приблизился к её столику.

Льяна предупреждающе положила ладонь на приклад арбалета, и парень поднял вверх пустые руки, однако не отступил.

– Я пришёл с миром, госпожа. Всего несколько слов и я уйду, если ты пожелаешь.

Льяна кивнула, но руку с арбалета не сняла.

Незнакомец присел на табурет и положил руки на стол, показывая свои мирные намерения. Тёмные непроницаемые глаза спокойно смотрели на девушку, и в них невозможно было что-либо прочесть.

– Один вопрос, госпожа: что делает такая юная и красивая особа в наших краях? У тебя есть сопровождающий, друг, сильный покровитель?

– Это уже два вопроса, – буркнула Льяна.

– Я умею считать, – спокойно ответил мужчина, продолжая сверлить девушку взглядом, ожидая ответа.

Льяна нежно погладила арбалетное ложе и произнесла, не поднимая глаз:

– Я лишилась корабля, и у меня нет здесь друзей или покровителей... – Подняв взгляд, в упор посмотрела в лицо собеседнику. – Но я смогу постоять за себя, если придётся.

– Верю, – спокойно произнёс ассвет. – Но всё же, какой бы сильной и смелой ты ни была, на Рюсе женщина не может оставаться одна – здесь много беззастенчивых и сильных

хищников... Давно ты потеряла покровителя?

– Вчера.

– Что умеешь делать?

– Я хорошо стреляю и умею драться.

– Я догадался. Ты с Вритландии?

– Да.

– Мне нужен стрелок на абордажный арбалет, пойдёшь ко мне?

Льяна взглянула в тёмные непроницаемые глаза и заколебалась. Это был реальный шанс вырваться с острова, но кто этот незнакомец, предлагающий службу? Что он капитан, девушка догадалась, но не обманет ли? Может, заманивает на корабль, чтобы потом сделать рабыней?

– Я не знаю тебя, – осторожно ответила девушка.

Мужчина протянул руку и представился:

– Эльвин Кори по прозвищу «Безумный Эль», капитан «Морского Орла».

На пиратском корабле Льяна, однажды, подслушала разговор двух матросов, обсуждавших удачное нападение Безумного Эля на два илларийских корабля у Звёздного архипелага. Они хвалили его мастерство, но насмеялись над "добротой и мягкотелостью".

Девушка протянула руку в ответ и сжала запястье мужчины.

– Льяна Абор, – представилась. – Я слышала о тебе, и согласна служить под твоим командованием... Но у меня есть

условие: и ты, и твои люди, должны держать руки при себе, я не приемлю грубости и насилия.

– Всё будет зависеть только от тебя, детка. Как себя поведёшь, такое отношение и получишь.

Эльвин поднял руку и подал знак Толстяку Элиду.

– Нужно сбрызнуть наш договор. Я закажу вино.

– Я не пью.

– Это лёгкое илларийское вино, специально для дам.

– Ладно, – уступила девушка.

Толстяк принёс бутылку и две кружки. Эльвин вынул из ножен на поясе широкий тяжёлый нож и точным движением срубил узкое горлышко. Разлив вино по кружкам, поднял свою и кивнул:

– Твоё здоровье, Льяна!.. По-вритландски это, кажется, «неожиданность»?

– Да.

– Это имя тебе подходит. Твоё появление здесь было полной неожиданностью.

Льяна пригубила вино и тут же поставила кружку. Она заметила, что к столику направляется ещё один мужчина: лет сорока, весь покрытый шрамами и татуировками.

– По-моему, ещё кто-то хочет со мной познакомиться, – сказала.

Эльвин оглянулся и фыркнул:

– Капитан Реллен не пропустит ни одной юбки. Спорим на два золотых, что он предложит тебе переспать с ним.

– Не буду спорить, думаю, ты знаешь его лучше.

Капитан Реллен тяжело облокотился о стол огромными ручищами и, дохнув перегаром, спросил:

– Это твоя девка, Эль?

– Нет, но она член моей команды.

– Значит, она свободна?

– Как ты и я, Мэсс.

Реллен взглянул на девушку осоловелым взглядом.

– Красотка, не желаешь ли провести эту ночь со мной?

Эльвин усмехнулся.

– А что я говорил?

– Ты слишком стар для меня, – ответила Льяна, не сдержав улыбки.

– Зато я богаче, чем этот ассветский недоносок! – хвастливо заявил Реллен.

– Полегче на поворотах, капитан. Как бы руль не заклинило, – предупредил Эльвин, но спокойно и сдержанно.

Льяна удивилась спокойствию капитана Кори и последовала его примеру.

– Ты мне не нравишься, поэтому, отвали, – произнесла.

– Что ты нашла в этом молокососе? – не унимался Реллен. – У него ещё бушприт не вырос до нужных размеров, так, с гулькин нос! Он не сумеет ублажить даже девственницу, не то, что шлюху. Идём со мной, девка, я заставлю тебя кричать от наслаждения!

Льяна, до сих пор никогда не слышавшая столь откровен-

ных разговоров и грубых намёков, смущённо покраснела, что не укрылось от глаз мужчин.

– Ты краснеешь, как невеста в брачную ночь, – захохотал Реллен. – Может, ты ещё непросверленная жемчужина?

Льяна почувствовала, как в её груди зарождается глухая ярость. Она гневно взглянула на капитана и воскликнула:

– А почему я должна это скрывать, ты, ублюдок?! Что в этом постыдного? Я не шлюха, поэтому отвали от стола, пока я не разрисовала твою рожу ещё больше!

– Ха! – воскликнул Реллен, не обращая на угрозы девушки ни малейшего внимания. – Если это правда, то я заплачу тебе за ночь мешок золота! Не так много девственниц встречалось на моём пути. Я дам тебе всё, что попросишь, если окажется, что твоя лоханка, и в самом деле, не распечатана!

Льяна, не привыкшая к таким оскорбительным грубостям, разозлилась не на шутку. Она вскочила и процедила в наглую пьяную рожу:

– Моя любовь обойдётся тебе слишком дорого, капитан...

– Сколько? Назови цену и я заплачу!

– За одно прикосновение к моему телу я забираю у наглеца жизнь! Тебя устраивает такая цена?

Реллен запрокинул голову и захохотал. Смеялись и слышавшие разговор моряки.

Ярость вспыхнула в груди девушки, словно костёр, в который плеснули ковш горячего масла. Она резко выбросила руку и изо всей силы ударила кулаком по незащищённому

горлу капитана Реллена. Тот захлебнулся смехом и рухнул на пол, хрипя и синея на глазах. Эльвин спокойно посмотрел на корчащееся тело:

– По-моему, ты его убила. Нам лучше смыться, пока его люди не устроили разборки.

Он встал и подал знак товарищам. Те окружили девушку и капитана, и компания двинулась по проходу, под молчаливыми и угрожающими взглядами присутствующих.

Покинув таверну, корсары вернулись на корабль. В ночном сумраке Льяна не смогла рассмотреть его как следует, только заметила, что он не очень большой и имеет стройный, вытянутый силуэт. Кори провёл девушку в свою каюту, где мальчик-раб уже зажёл светильник и приготовил постель. Эльвин уступил Льяне каюту на эту ночь, а сам ушёл спать на палубу к матросам. Закрывшись на засов, вритландка разделась и с удовольствием вытянулась на жёсткой, но настоящей постели, по которой успела соскучиться за дни плена.

– 3 –

Утром Льяну разбудило знакомое покачивание. Выглянув в небольшое квадратное окошко, она увидела бескрайнее синее море, исчерченное полосами пологих волн. Быстро одевшись, Льяна вышла на палубу. Солнце уже поднялось над горизонтом, но висело ещё низко и слепило глаза. Корабль шёл на восток, поэтому солнце поднималось прямо перед но-

сом судна, украшенном фигурой расправившей крылья птицы с раскрытым зубастым клювом. Наверное, это и был тотем, давший имя кораблю. Льяна, полуварварка по рождению и воспитанию, приученная с детства уважать любых богов, будь то свои или чужие, чтобы не навлечь на себя их гнев, послала тотему корабля приветственный жест и произнесла по-вритландски:

– Храни меня, о, могучая птица, и пошли этому кораблю удачу!

– Что ты там бормочешь, детка? Молишься на солнце? – услышала она позади молодой весёлый голос.

Оглянувшись, Льяна увидела высокого стройного парня, раздетого по пояс. На его обнажённом торсе рельефно выделялись бугры тугих мышц, а длинные белокурые волосы торчали на макушке, словно пушистый султан – лошадиное украшение из перьев. Он стоял за штурвалом, расставив босые ноги и крепко держась за рулевое колесо, сощурился от солнечных лучей озорные серые глаза. Капитан Кори стоял чуть позади, оглядывая море из-под ладони.

– Я не поклоняюсь Богу-Солнцу, как некоторые люди, – ответила девушка. – Доброе утро, капитан.

– Доброе утро, Льяна, – ответил Эльвин. – Как спалось?

– Спасибо, мне было очень удобно.

– Ещё бы! – усмехнулся рулевой. – Капитанская койка удобнее наших рундуков. А вот если бы рядом лежал ещё и хозяин, она показалась бы ещё удобней, не так ли, детка?

– Помолчи, Ресс, и следи за курсом, – приказал Эльвин.

– Слушаюсь, мой капитан, – продолжая скалить крепкие белые зубы, ответил рулевой.

Льяна прошлась по палубе, рассматривая корабль более подробно. Небольшой, узкий, с одной надстройкой, где располагались каюта капитана и камбуз, с двумя невысокими мачтами, несущими по одному квадратному и треугольному парусу. Матросы спали под навесом, позади расположенной посередине надстройки. Сейчас они бездельничали – корабль шёл попутным ветром под всеми парусами – валяясь на специальных сундуках, служивших им кроватями во время сна. Некоторые сидели просто на чисто выскобленных досках палубы, играя в кости или другие распространённые в матросской среде игры. На девушку бросали любопытные взгляды, но никто не произнёс ни одного грубого слова.

Льяна остановилась на корме, глядя на пенистый, уходящий назад след. За шумом воды и хлопаньем парусов она не слышала шагов капитана, поэтому невольно вздрогнула, когда рядом прозвучал голос:

– Как тебе мой корабль? Понравился?

– Он очень симпатичный... Только маленький.

– Да, маленький, зато быстроходный. И его легко прятать в засаде... Пойдём, я познакомлю тебя с ребятами.

Команда «Морского Орла» состояла из двадцати человек, не считая мальчика-раба, кока и самого капитана. С Рессом, стоявшим за штурвалом, Льяна уже познакомилась, если это

можно так назвать. Остальных Эльвин представил девушке по очереди, закончив словами:

– Льяна девушка строгих правил, к тому же находится под моим покровительством, так что тому, кто захочет её обидеть, советуя, прежде, хорошенько подумать.

Кто-то из матросов насмешливо спросил:

– Капитан, а где она будет спать? Если бы она была шлюхой, тогда всё понятно, а поскольку крошка член команды, то должна спать на палубе. Я могу уступить ей свой рундук: он с краю и там не так воняет грязными ногами Керта!

Послышались сдержанные смешки, а один из матросов отвалил говорившему увесистый подзатыльник.

– Ты лучше за своими ногами последи, Хорёк, – беззлобно посоветовал он.

– Льяна будет жить в моей каюте, – ответил Эльвин.

– А ты, капитан?

– Там хватит места для двоих.

Матросы переглянулись и обменялись двусмысленными усмешками.

– Можете думать, что хотите, развратные ублюдки, но ещё раз повторяю: Льяна честная девушка, поэтому держите свои грязные лапы и поганые языки на привязи, если не хотите неприятностей. Если она кого-нибудь укоротит на голову – я не стану её наказывать, хотя драки на корабле и запрещены.

– Эй, капитан, я так понял, эта крошка свободна, хоть и будет жить с тобой? – подал от штурвала голос Ресс.

– Да.

– Значит, за ней можно приударить?

– Только, если она сама позволит.

– А ты не против?

– Я ей не отец, – отрезал капитан.

– Можешь поухаживать за мной только в том случае, если считаешь себя неотразимым, герой, – ответила Льяна подслушанными когда-то словами старшей сестры, когда та принимала заигрывания парней.

– Замётано, – усмехнулся Ресс.

*

Дни, проведённые на корабле Эльвина Кори, стали для девушки подарком судьбы после перенесённых страданий. Вскоре она стала настоящим членом небольшой команды. Парни, хоть и пытались приударить за Льяной, но, следуя совету капитана, делали это сдержанно, без грубости. Девушка, окружённая повышенным мужским вниманием, кокетничала со всеми, но не отдавала предпочтение никому. Честно говоря, она была ещё просто ребёнком, потому что девушки Бритландии начинают задумываться о замужестве только после семнадцати лет. Льяна относилась к окружающим её мужчинам, скорее, как к друзьям, чем как к потенциальным партнёрам. Хотя, где-то там, в глубине души, она, может быть, испытывала более нежные чувства к Эльвину и весельчаку Рессу, но это ещё не было любовью, разве что, её зачатками.

Время, пока «Морской Орёл» бороздил моря в поисках добычи, Льяна не проводила в безделье: совместно с Эльвином, или Рессом, или кем-нибудь ещё, она тренировалась, совершенствуя искусство фехтования или обучаясь новым боевым приёмам. Изучала искусство вождения парусника, названия звёзд и созвездий, и училась прокладывать по ним путь. Этими знаниями щедро делился капитан, относившийся к девушке, как к младшей сестре, оставшейся на берегу, и о которой он заботился, посылая награбленные деньги.

Девственный и пытливый ум схватывал всё на лету, и девушка быстро училась, через какой-то месяц став заправским моряком и корсаром, успев поучаствовать в нападении на торговца.

В ведении девушки находился огромный арбалет, установленный на носу корабля. В нём лежала тяжёлая деревянная стрела с металлическим зазубренным наконечником, к концу которой был привязан длинный и крепкий канат. Пока корабль находился в поиске, его накрывал кусок парусины, но стоило на горизонте показаться торговому кораблю, как, по сигналу рога, Льяна бросала все дела, и со всех ног бежала к арбалету.

Когда «Морской Орёл» нагонял торговца, девушка должна была попасть в убегающий корабль и "заарканить", вогнав стрелу в борт. А во время боя, если торговец оказывал сопротивление, из маленького арбалета или лука обстреливать противника. Во время своего первого и единственного

боя, когда они поймали неповоротливого торговца из Руни-на, Льяна старалась стрелять так, чтобы не убить, а только вывести противника из строя. Она ещё была неискушённым воином и не знала основного закона войны: убей или погибни сам. Доброта, в конце концов, и подвела её.

*

Как-то вечером, вперёдсмотрящий заметил на горизонте парус большого торгового корабля. Тотчас прозвучал сигнал тревоги, и команда заняла свои места. Льяна застыла у носового арбалета. Двое сильных матросов стояли у лебёдки, готовые наматывать трос, когда стрела вопьётся в корпус преследуемого судна.

Торговец был большим и неуклюжим, и не спешил убежать, даже увидев приближающегося корсара. Эльвин потирал руки в предвкушении богатой добычи.

Когда корабли сблизились, Эльвин рассмотрел вымпелы на мачте жертвы: корабль принадлежал Крону – королевству, занимавшему группу больших островов где-то в Восточном океане. Богатое и загадочное государство, по слухам, основанное ассветами. Кронские корабли редко заходили так далеко на юг, торгуя, в основном, с государствами Восточного континента. Ходили также слухи, что взять на бордаж кронский корабль практически невозможно, но Эльвин не верил в это. Купец казался таким неуклюжим, беззащитным и легкодоступным...

«Морской Орёл» легко настиг жертву, и вот он уже висел у

него на хвосте. Эльвин подал знак, и Льяна, тщательно прицелившись в высокую и широкую корму, качавшуюся перед глазами в нескольких десятках шагов, выстрелила. Стрела попала точно в цель: выше ватерлинии, но ниже борта, чтобы с корабля не перерубили канат.

Несмотря на радостные вопли корсаров, на торговце не было заметно паники. Там вообще не замечалось никакого движения, словно огромный корабль шёл сам по себе.

Когда в борта купца вцепилось несколько абордажных крючьев и по верёвкам полезли матросы, внезапно над фальшбортом показалось около двух десятков стрелков. Но вместо луков или арбалетов они держали в руках какие-то длинные тонкие трубки. Стрелки поднесли их к губам и дунули. Из трубок вылетели короткие тонкие стрелы, и каждая нашла себе цель. Но они не могли никого убить, потому что не имели стальных наконечников. Одна из стрел лишь слегка оцарапала Льяне кожу и упала к ногам.

Увидев это странное оружие, корсары вначале растерялись, не зная его действия, но, поняв, что стрелы не убивают и не калечат, а наносят лишь лёгкие раны, расхохотались, и с удвоенной энергией бросились в атаку. Льяна, приготовившись стрелять в ответ, с улыбкой опустила оружие. Облокотившись о приклад абордажного арбалета, девушка наблюдала, как матросы «Морского Орла» карабкаются по канатам и спрыгивают на палубу торговца.

Сделав лишь по одному выстрелу, кронские стрелки ис-

чезли, и корабль вновь показался вымершим. С палубы захваченного корабля не доносился характерный шум боя, и вообще не было заметно никакого движения. Это показалось девушке странным, и она вопросительно оглянулась на Эльвина. То, что она увидела на палубе «Морского Орла», удивило её ещё больше, чем таинственная тишина на торговце. И Эльвин, и ещё несколько остававшихся на корабле матросов, неподвижно лежали на палубе в различных позах. Они казались мёртвыми, хотя на телах не видно было ран и крови, разве что, небольшие уколы от странных стрел кронцев.

Сердце девушки испуганно вздрогнуло. Неужели стрелы отравлены? Льяна нагнулась и подняла стрелу, оцарапавшую ей шею. Остриё темнело липкой жидкостью с алой каплей крови.

Льяна отшвырнула стрелу и бросилась к Эльвину. И тут впервые почувствовала, что ноги плохо слушаются. Они заплетались и подгибались, а потом и вовсе подломились. Девушка упала на колени и попыталась ползти, пока не ощутила онемение в руках. Она легла на палубу и закрыла глаза, думая, что умирает. Льяна не испытывала страха или сожаления, она не испытывала ничего, кроме тихой радости, что это происходит без мучительной боли, которой она боялась больше всего.

Вскоре девушка услышала какой-то шум. Приоткрыв глаза, увидела, что с кронского корабля спрыгивают и спускаются по переброшенным с борта на борт сходням чужезем-

ные матросы. Они свободно ходили по палубе, переступая через неподвижные тела, смеялись и переговаривались на искажённом ассветском языке.

Возле девушки остановился один чужак. Затем он подошёл товарищей, и вскоре возле Льяны собралась целая толпа. Они с любопытством рассматривали её, лапали и переводили. Льяна никак не могла ответить на их бесцеремонность, разве что словами, поэтому в сердцах обозвала наглецов всеми вритландскими ругательствами, какие знала. Но непонятное бормотание девушки лишь забавляло чужаков, и они от души веселились. Затем один поднял её, небрежно перекинул через плечо, словно тряпичную куклу, и понёс на свой корабль.

Оказавшись на борту торговца, Льяна увидела ту же картину: её товарищи валялись без чувств по всему кораблю, а кронские матросы стаскивали их в одну кучу, заковывали в цепи и спускали в трюм. Только теперь несчастная поняла, что они попали в ловушку, и пожалела, что не убила ни одного врага.

Девушку показали нескольким господам важного вида, стоявшим на крыше надстройки и наблюдавшим за происходящим, а затем отнесли в какую-то тёмную каморку, бросили на набитый морской травой тюфяк и заперли на ключ. В комнатке не было окон, и свет проникал через узкие щели между неплотно пригнанными досками стены. Не имея возможности даже пошевелиться, Льяна наблюдала, как медленно

меркнет свет в щелях, переходя в глубокий вечер, а затем в ночь. Постепенно веки её отяжелели, опустились, закрывая усталые глаза, и она уснула.

– 4 –

Проснулась Льяна от тупой ноющей боли, охватившей всё тело, отходящее от действия парализующего яда. Она лежала в темноте, страдая от боли и страха перед неизвестностью. Что с ней сделают эти мерзкие кронцы? В лучшем случае наденут рабский ошейник и продадут на рынке, в худшем – повесят, как пирата. А может, её возьмет в наложницы кто-то из этих важных господ? Ни одна из перспектив не радовала девушку, все были противны её характеру и шли в разрез с желаниями. Но выбирать не ей, и какую судьбу уготовили боги, она скоро узнает.

Вскоре тело полностью освободилось от действия яда и Льяна устроилась поудобнее на жалком ложе. К счастью, тюфяк оказался достаточно толстым, и лежать на нём было удобно, а мягкое покачивание, плеск далёких волн о борта и поскрипывание снастей усыпляли.

Разбудил её скрип двери. Зажмурившись от ударивших в лицо солнечных лучей, увидела сквозь густые ресницы силуэт кронца, ставившего у порога кувшин и тарелку. Когда дверь закрылась, Льяна поднялась и подтянула то и другое. В кувшине плескалась чистая вода, а на тарелке лежали хлеб,

сыр и кусок рыбы. Льяна, хоть и не чувствовала голода, но съела всё, запив завтрак водой. Затем умылась и, как могла, привела себя в порядок. Поставив пустую посуду на место, вновь легла, углубившись в размышления.

Её не посадили в трюм вместе с остальными пленными, хотя, наверное, догадались, что на корабле она находилась не по принуждению. Не заковали в цепи, по-видимому, не опасаясь. Чужаки ничего о ней не знали и не догадывались о её возможностях, и это оказалось на руку девушке. Значит, не стоит в будущем посвящать их в эту тайну. Лучше прикинуться кроткой овечкой, простушкой, игрой судьбы и волею богов заброшенной на корабль корсаров.

От раздумий оторвал скрип двери. На пороге возник высокий плечистый воин и приказал выйти. Хотя он и говорил несколько странно для слуха вритландки, но вполне понятно. Льяна встала, отряхнулась, поправила волосы, по вритландскому обычаю, заплетённых в четыре косы, и ступила на освещённую полуденным солнцем палубу. Ей пришлось зажмуриться: после сумрака каморки яркий свет больно резал глаза. К счастью, мучения длились недолго. Пройдя всего несколько шагов, они ступили в прохладу и сумрак узкого коридора надстройки, и провожатый постучал в ближайшую дверь. Изнутри донёсся голос, и они вошли.

Льяна оказалась в прекрасной, богато обставленной каюте, где, за круглым столом, сидели виденные ранее важные господа в необычных и богатых одеждах, увешанные драго-

ценностями, словно алмоостские женщины.

Лица присутствующих повернулись к вошедшим, и на девушку уставились четыре пары любопытствующих глаз. Её рассматривали, словно необычную диковинку, и Льяна почувствовала себя неуютно под этими холодными оценивающими взглядами. Но, гордо вскинув голову, она, в свою очередь, окинула мужчин внимательным взглядом.

Удивляло разнообразие в их обликах. Один – сероглазый блондин с покрасневшим от морских ветров лицом. Другой имел тёмные волосы, светло-карие глаза и смуглую кожу. Третий – типичный ассвет с рыжими волосами и голубыми глазами. Четвёртый же, самый младший из присутствующих – черноволос, синеглаз, с матово-золотистой кожей. Все мужчины носили длинные волосы, собранные на затылке в "хвост" или заплетённые в косу, серьги в ушах или в ноздре, и обилие перстней на руках.

Первым обратился к девушке ассвет:

– Как твоё имя?

– Льяна, – не стала скрывать девушка.

– Ты выглядишь очень юной. Сколько тебе лет?

– Пятнадцать.

Мужчины переглянулись, и заговорил блондин:

– Что ты делала на пиратском корабле?

– Капитан Эльвин Кори корсар, а не пират, – с гордостью

ответила Льяна.

– А какая разница? И те, и другие разбойники.

– Возможно. Но пираты более жестокие, они грабят всех подряд, а затем топят корабли. Корсары же не убивают без необходимости. Мой капитан говорил, что не стоит резать курицу, несущую золотые яйца. Ограбленный купец снова выйдет в море, а мертвый прибыли не принесёт.

Мужчины вновь переглянулись и заулыбались, словно девушка рассказала шутку. В разговор вступил смуглокожий. Говорил он тихо, спокойно, а его глаза смотрели на пленницу, словно глаза доброго папаша.

– Так что же ты делала на этом корабле, деточка? Ты дочь капитана, или его сестра, или любовница?

– Я член команды, – гордо ответила Льяна.

В третий раз мужчины переглянулись и заулыбались.

– А что ты делала в команде? Готовила еду или стирала?

– Для этого есть кок и мальчик-раб. А я стреляла из абордажного арбалета.

– Так это ты нас заарканила... – протянул ассвет.

– Мой отец охотник, и он говорил, что у меня зоркий глаз и твёрдая рука, – не удержалась от похвальбы девушка. – Я редко промахиваюсь.

– Значит, ты умеешь обращаться с оружием.

– Я умею метко стрелять, – не стала уточнять девушка.

– И многих ты убила за свою карьеру?

– Только одного, да и тот был пиратом.

Мужчины вновь переглянулись, обменявшись ироничными взглядами. Льяна могла бы рассказать им о Морском Уда-

ве, но посчитала лучшим промолчать, она и так наговорила лишнего. Пусть чужаки думают, что она глупая хвастливая девчонка, это ей не навредит.

– Не скажешь ли ты нам, девушка, как попала к корсарам? – спросил черноволосый красавец. Его синие глаза пронзили Льну насквозь, как два ядовитых копья, попав прямо в сердце. Таких ярких и изумительно красивых глаз девушка не видела никогда. Их насыщенная синева, затенённая густыми, длинными, выгнутыми "оленьими" ресницами, могла свести с ума и более искушённую в любви женщину, не то, что неопытную полудикую девчонку из варварской страны. Лишь только взглянув в эти ясные, небесно-райские, соблазнительные глаза, Льяна утонула в них, словно камень в пруду, даже не попытавшись побарахтаться или выплыть на берег.

Загипнотизированная безмятежной синевой, утратившая всю гордость и самоуверенность, она покорно ответила:

– Меня похитили пираты...

– А потом?

– Привезли на остров Рюс и выставили на торги...

– И тебя купили корсары?

– Нет... Меня купил капитан Беррис... И...

– И что дальше? Рассказывай!

– Он... Я... Я убила его, подожгла корабль и убежала...

И... Попала к капитану Кори... Всем известно, что корсары и пираты не ладят... Он меня принял, и я стала членом ко-

манды.

– Как же ты убила капитана Берриса? Он, наверное, был большим и сильным мужчиной?

– Да... Очень большим и страшным... Но я ударила его бутылкой по голове, и он упал. Затем взяла его меч и... и... проткнула... А потом подожгла каюту и убежала. На корабле никого не было, все пираты пьянствовали на берегу...

– Сообразительная малышка, – усмехнулся ассвет.

– И опасная, – буркнул смуглолицый. – К такой лучше не поворачиваться спиной.

– Ладно, ступай, мы пока подумаем, что с тобой делать.

Охранник отвёл девушку в ту же каморку и оставил одну. Ляна всё ещё пребывала, словно в трансе, после взгляда волшебных глаз молодого господина. Ах, ради таких глаз она была готова на всё, даже безропотно надеть рабский ошейник, если её господином будет синеглазый бог.

То дремая, то грезя наяву, Ляна просидела взаперти остаток дня, всю ночь и следующее утро. Только ближе к полудню дверь темницы открылась и охранник вновь отвёл её в уже знакомую каюту. Сейчас здесь находились только краснолицый блондин и рыжий ассвет. Блондин рассматривал морские карты – Ляна видела такие в каюте Эльвина и даже училась их читать. Ассвет просто сидел, откинувшись на спинку стула и положив обутые в сапоги ноги на край стола. В одной руке он держал полупустую бутылку, в другой чеканный серебряный кубок. Взглянув на вошедшую, сказал:

– А вот и гроза пиратов и честных купцов! Тебе повезло, детка, так как ты не достигла ещё того возраста, чтобы болтаться на рее. Потому мы разыграли тебя в трикс, и ты досталась господину Слэйду. Сочувствую бедняге, потому что, несмотря на твой кроткий вид невинной овечки, я думаю, ты та ещё штучка! Если бы ты досталась мне, то сидела бы в цепях вместе со своими дружками-разбойниками. Но господин Слэйд пожелал заполучить тебя немедленно, поэтому охранник отведёт тебя в его комнату. Послушай совет, девочка: оставайся такой же тихой и милой и далее, если не хочешь кормить рыб на морском дне – я буду приглядывать за тобой.

Льяна выслушала сообщение молча и послушно пошла за охранником.

Каюта нового господина находилась в двух шагах от капитанской. Стражник постучал в дверь и, получив ответ, открыл её и втолкнул девушку внутрь.

Льяна очутилась в небольшой, но уютной комнатке. Стены покрывали шелковые обои, пол застилал толстый узорный ковёр. За полуприподнятым пологом виднелась узкая кровать, сверкавшая ярким кружевным бельём. На ней лежал мужчина... Сердце девушки замерло от счастья, едва она взглянула на него. Черноволосый красавчик с волшебными глазами! На коленях у него стоял поднос с завтраком: чашкой ароматного дымящегося напитка и свежей булочкой, намазанной повидлом. Слэйд искоса взглянул на девушку и

лениво протянул:

– А, это ты... Как, ты сказала, тебя зовут?

– Льяна, господин.

– Варварское имя... Я буду называть тебя Лианна, что значит «изумительная». Тебе нравится?

– Да, господин, – зарделась от смущения девушка. Она тут же влюбилась в новое имя; в устах господина оно звучало, как песня.

Мужчина отставил поднос и встал. Он был одет в длинную тонкую сорочку, а спутанные после сна волосы свисали до середины спины. Потянувшись до хруста костей, сел перед столиком с квадратным зеркалом в литой бронзовой раме и протянул девушке расчёску.

– Приведи мои волосы в порядок, – приказал.

Льяна собрала в руку густые волнистые пряди и начала осторожно расчёсывать, сначала вычесав спутанные концы, постепенно поднимаясь всё выше. На то, чтобы привести голову мужчины в порядок, ушло много времени. Затем она помогла ему умыться, сливая воду из кувшина в подставленные ладони, а после – одеться. При этом она стыдливо отводила глаза, когда господин сбросил рубашку и предстал перед ней совершенно голым. Слэйд заметил это и недоверчиво спросил:

– Ты разве никогда не видела голого мужчину?

Льяна снова смутилась и кивнула. Господин удивлённо прищёлкнул языком.

– Не может быть! Побывав в руках пиратов и корсаров, ты сумела сохранить свою честь! Да тебе цены нет, девушка, а досталась ты мне совершенно бесплатно. Когда я расскажу об это старым хрычам, они умрут от зависти!

Закончив утренний туалет, Слэйд поправил волосы, осмотрел себя в зеркало и сказал:

– Я ухажу, а ты оставайся здесь. Я запрещаю тебе выходить. Пока меня не будет, помойся и подыщи себе что-нибудь в этом сундуке, – указал на небольшой деревянный сундук в углу, покрытый замысловатой резьбой. – Жить будешь в этой комнате, а спать вот на этой кушетке. Если будешь послушной и угодишь мне, я, возможно, оставлю тебя у себя, когда мы вернёмся на Острова, а если разочаруешь – продам работорговцу.

– Я постараюсь, господин... – униженно пробормотала девушка.

Дверь захлопнулась, и она осталась одна.

Первым делом, придя в себя после неожиданного поворота судьбы, Льяна застелила господскую кровать, поправила полог и собрала разбросанные вещи. Затем вымылась в тазу за ширмой, ограждавшей туалетный уголок, нашла в указанном сундуке новую чистую рубашку и лёгкие шаровары. Вещи оказались великоваты, но Льяна затянула потуже пояс, там ушила, здесь подшила – и стала выглядеть вполне прилично. Когда под вечер Слэйд заглянул в каюту, то остался доволен внешним видом рабыни. Он похвалил её и накор-

мил ужином: свежеиспечённой лепёшкой с повидлом и компотом из сушёных фруктов с мёдом. Льяну умилила, как она думала, трогательная забота господина, и он в её глазах стал ещё более милым и прекрасным. Пока рабыня ела, Слэйд, молча, смотрел на неё, и глаза его загадочно блестели. Льяна смущалась и краснела под этим пристальным взглядом, а он, видя это, только сдержанно улыбался.

– 5 –

Прошло несколько дней. Льяна привыкла к новому положению. Обязанности прислужницы оказались не обременительными, господин ласковым и доброжелательным. Он никогда не кричал, даже если рабыня делала что-то неправильно. Иногда он долго беседовал с ней, взяв за руку или приобняв за талию, сидя рядом на кушетке. Часто угощал дорогими сладостями со своего стола: конфетами, экзотическими фруктами, орехами, вареными в меду. А однажды, это случилось на пятый день совместного проживания, он поцеловал её, и Льяна не оттолкнула его, не сделала даже попытки как-то уклониться. Поцелуй господина показался таким нежным и сладким, что окончательно растопил лёд страха и усыпил девичью гордость вритландки. В тот же вечер она легла с ним, отбросив стыдливость и позабыв родительские наказания. Она любила первой сильной и безрассудной любовью, туманящей разум сильнее самого крепкого вина или

дурмана. Она любила так сильно, что ради любимого была готова на всё... Если Слэйду захотелось её тела, значит, она отдаст его, а если бы захотел душу – она отдала бы и её.

С этой ночи, полной новых открытий и ощущений, Льяна стала не только служанкой, но и наложницей. Господин привязал девушку к себе новыми, не менее прочными узами, чем свет синих глаз – узами страсти и желания. Сделав Льяну женщиной, он разбудил в ней чувственность, а своим искусством опытного любовника поработил тело, желавшее теперь его любви так же сильно, как и душа.

Между тем корабль достиг конечной цели – Алмоста. Купцы с прибылью продали товар, закупили новый, и корабль снова вышел в море, держа путь домой.

Кронские острова располагались далеко на северо-востоке, где-то за Восточным континентом. До них было примерно две декады пути при попутном ветре и хорошей погоде. Но, так как корабль часто заходил во встречные порта, для пополнения запасов воды и продовольствия, для небольшой торговли и ремонта, то домой купцы попали только через месяц. Все они были родом с острова Дорад, или, как его ещё называли, Имперского острова, на котором располагалась столица Кронского королевства город Краунис, а все его земли принадлежали королевской семье: королю, его сыновьям, братьям или дядьям.

Слэйд тоже жил в столице: в большом каменном доме старинной постройки, в котором его семья проживала уже

несколько поколений. Во время пути, общаясь с девушкой, Слэйд расспрашивал её о прошлом, но почти ничего не говорил о себе, кроме общих сведений: что ему двадцать шесть лет, что он преуспевающий купец, что он единственный сын в семье, а его отец умер год назад.

Потому для Льяны стало неприятным открытием, когда она прибыла в дом господина, что у него есть две жены, и вторая лишь на год старше девушки. Обе супруги Слэйда, конечно же, не обрадовались появлению юной и красивой чужеземки, которую, судя по всему, обожал супруг. Он поселил девушку в отдельной роскошной комнате, освободил от всех работ и дал в услужение старую опытную рабыню. Он посещал наложницу несколько раз в декаду, был заботлив и нежен, и постоянно интересовался её самочувствием. Льяна же чувствовала себя превосходно, купаясь в роскоши и неге, пока однажды утром её не стошнило. Она пожаловалась на слабость служанке, та передала её слова господину, и из города немедленно вызвали лекаря, который внимательно осмотрел больную и сообщил, что она беременна.

Это известие не огорчило, а обрадовало девушку. Она испытала настоящее счастье, узнав, что скоро станет матерью и подарит любимому сына или дочь.

Слэйд тоже излучал искреннее удовольствие, ведь, несмотря на наличие двух жён, у него до сих пор не было наследника. Он окружил девушку ещё большим вниманием и заботой: кормил только лучшими яствами, водил на про-

гулки в город или возил за город, дышать свежим воздухом и любоваться прекрасными пейзажами. Он приставил к ней ещё одну служанку, умеющую ухаживать за беременными и роженицами. Он даже отказался от выгодной торговой поездки, боясь пропустить время родов.

Беременность, несмотря на юный возраст, протекала благополучно, благодаря крепкому здоровью, хорошему уходу и положительным эмоциям, так как Слэйд оградил наложницу от общения с враждебно настроенными жёнами. В назначенный богами день и час, Льяна благополучно родила крепкого здорового мальчика, поразительно похожего на своего отца. Слэйд, взяв сына на руки, едва не плакал от счастья. Нежно прижав его к груди, он ушёл, даже не взглянув на измученную родами женщину.

Льяна так ослабела, что не заметила пренебрежительного отношения недавно ещё такого нежного и заботливого господина. Женщину только обеспокоило, почему ей не дают ребёнка, чтобы она приложила его к груди. Но повитухи, сновавшие вокруг, сказали, что малыша отдали кормилице, специально нанятой господином. Затем ей дали какое-то зелье, и девушка уснула.

Но и на второй, и на третий день Льяне не показали сына, сказав лишь, что мальчик здоров и находится с кормилицей, и она сама увидит его, когда поправится.

Слэйд тоже не приходил, словно забыл о её существовании, хотя до родов проводывал чуть ли не каждый день. Всё

это должно было насторожить молодую женщину, но, ослеплённая любовью, она не хотела верить, что господин разлюбил её, что она была нужна ему только, как инкубатор для семени, а, подарив сына-наследника, потеряла для мужчины всякую ценность.

Оправившись после родов, Льяна стала требовать встречи с господином и сыном, но добилась только того, что её перевели в общую комнату, где жили все домашние рабыни, и поставили на работу на кухне. Охваченная яростью, девушка устроила погром, перебив всю керамическую посуду. Вызванные поваром стражники с трудом утихомирили вритландку, связали и посадили в подвал. На следующий день её вывели во двор, привязали к скамье и побили плетью. Затем вновь посадили в подвал и продержали на воде и хлебе несколько дней.

Лёжа в тёмной и холодной тюремной келье, Льяна плакала от боли и обиды. Плакала второй раз после похищения. Горькие горячие слёзы жгли лицо и душу, выжигая из неё первую девичью любовь и последние иллюзии юности. Спрятав лицо в мокрых ладонях, Льяна вспоминала бесстрастное лицо и холодные равнодушные глаза присутствовавшего на экзекуции господина. Как не похоже оно было на весёлое, улыбающееся, с полными любви и нежности глазами, лицо прежнего Слэйда! Неужели он притворялся все эти месяцы? Или любил не её, а плод, который она носила в чреве?

Когда кровавые рубцы на спине затянулись и высохли слё-

зы на глазах, умерла и душа девушки, став твёрдой и холодной, как булыжник у дороги. Теперь, чтобы зажечь в ней ещё одну искру любви, мужчине придётся очень постараться.

"От любви до ненависти невелик путь", гласит ассветская мудрость. Так случилось и с Льяной. Любовь к Слэйду переродилась в глубокую ненависть к бывшему возлюбленному конкретно и к мужчинам вообще. А ещё одно неприятное событие только укрепило её чувства.

После шести дней заключения в темнице, девушку вывели наверх, сбрили чудесные густые волосы и отправили на рабский рынок. Льяна, избавившаяся от розовых иллюзий и расслабляющих волю слюнявых чувств, вернулась к прежнему состоянию уверенности и спокойствия, в котором пребывала на корабле Эльвина Кори. За прошедшие месяцы она духовно повзрослела, а перенесённые страдания добавили мудрости. Теперь это была не легкомысленная импульсивная пятнадцатилетняя девчонка, а юная, умудренная, пусть и небольшим, но выстраданным жизненным опытом, женщина. Ножницы и бритва цирюльника, срезавшие косы, отрезали прошлое с его страхами, надеждами и мечтами. Как улитка прячет ранимое тело в твёрдый панцирь ракушки, так и Льяна спрятала душу и боль от глаз посторонних за маской отчуждения и равнодушия. Она безразлично смотрела, как падают к ногам прекрасные темные косы, как скалятся в насмешливой улыбке довольные жёны Слэйда, присутствовавшие при этом последнем унижении бывшей соперницы, и

даже не оглянулась, когда работорговец уводил её со двора.

– 6 –

Работорговый рынок в Краунисе небольшой – главный располагался на острове Рокес в центральном городе Оклед. А здесь продавались домашние рабы, от которых бывшие хозяева хотели избавиться по той либо иной причине, поэтому Льяна простояла на холодном ветру несколько дней, прежде, чем её купил какой-то сутулый старик, завёрнутый в грубый плащ. Он привёл женщину на корабль, скорее похожий на разбитое корыто, а не на мореходное судно. В компании ещё нескольких несчастных, которых посадили в тесную клетку на корме, она поплыла в неизвестность.

Путешествие длилось двое суток и проходило вблизи берегов островов, сначала Имперского, а затем большого лесистого. Как поняла Льяна из разговоров соседей, знавших здешние места лучше неё, этот остров назывался Латос и был самым большим из девяти основных островов Кронского Королевства. Он находился на севере королевства, и по площади равнялся восьми остальным островам. Но величина приносила мало пользы, потому что он не имел плодородных угодий. Остров представлял собой гористую, покрытую девственными лесами местность. На Латосе располагались всего три города: метрополия Латория – на восточном побережье, Кратос – на южном и Торес – на западном. Большая

часть селений, деревень и хуторов находились на побережье. Латос невольно напомнил Льяне родную Вритландию, тоже гористую и лесистую в центральной части. Даже пейзажи и воздух походили на родные.

*

Рабов привезли в метрополию и снова выставили на рынке. Здесь торговля шла живее, и молодую здоровую рабыню купили в тот же день, несмотря на несколько странный вид.

На этот раз Льяну купил хорошо одетый господин, который отвёл её за город, в роскошный, окружённый ухоженным парком дворец. Как позже узнала девушка, он принадлежал местному правителю – пэру.

Сначала Льяну отдали на попечение старой служанке, которая заставила её вымыться, передела в специальную одежду для рабов – грубая туника, узкие брючки, лёгкие сандалии. Затем отвела в верхние помещения и передала в руки седому, но ещё крепкому старику. Он окинул девушку внимательным взглядом, задержался на лысой, начавшей покрываться мягкой щетиной голове, и спросил:

– Как тебя зовут?

– Лианна, – назвала Льяна ставшее привычным имя.

Старик даже не улыбнулся, хотя при нынешнем её виде, имя звучало, как насмешка.

– Ты будешь прислуживать принцу Альдрику. Это старший сын нашего пэра и его наследник. Он болен и нуждается в помощи, но не любит, когда ему напоминают об этом,

поэтому будь предупредительна, но не назойлива.

Старик отвёл Льяну в покои и рассказал об обязанностях. Затем проводил в небольшой кабинет, где, в окружении переплетённых в кожу рукописных книг и свитков в бамбуковых футлярах, обитал принц Альдрик – мужчина тридцати с небольшим лет, высокий и худощавый, с сутулыми плечами и измождённым лицом. Он поднял на вошедших синие печальные глаза и молча смотрел, как они приближаются. Светлые и длинные, как у всех аристократов, волосы, заплетённые в три косы – одна сзади, а две по бокам, заключали бледное удлинённое лицо в своеобразную рамку.

Старик склонился в лёгком поклоне и произнёс:

– Господин, это ваша новая служанка, рабыня по имени Лианна. Её привели только сегодня, так что не сердитесь, если она что-нибудь будет делать не так.

Принц окинул девушку пристальным изучающим взглядом, словно перед ним стояло какое-то диковинное животное, и буркнул:

– Пусть сядет в углу и не мешает.

Затем опустил голову к книге и углубился в чтение.

Старик указал девушке на скамеечку у камина и приказал сидеть тихо и ждать, пока господин позовёт её, а сам ушёл. Льяна некоторое время сидела неподвижно, с любопытством рассматривая комнату, а потом, незаметно, задремала, склонившись на холодную шершавую стену.

Проснулась она от лёгкого толчка. Открыв глаза, увидела

стоящего рядом господина, возвышавшегося, словно башня. Он тяжело опирался на трость, печально глядя на девушку сверху вниз. Льяна поспешно вскочила, пробормотав:

- Простите, господин, простите...
- Пустяки... Ты, наверное, сильно устала.
- Я несколько часов простояла на рынке...
- Тебя покормили, когда привели?
- Нет.

Принц укоризненно покачал головой.

- Идём, я тоже проголодался.

Тяжело опираясь на трость и подволакивая правую ногу, которая не сгибалась в колене, принц вышел из комнаты. Льяна последовала за ним, отстав на несколько шагов, как полагалось по правилам. Принц пришёл в столовую и послал девушку на кухню за ужином. Когда она вернулась, неся тяжёлый поднос, Альдрик уже сидел за столом, а возле него стоял старик-слуга, подливая вино в кубок из серебряного кувшина. Льяна поставила поднос на край стола, и старик жестом приказал ей уйти.

- Нет, пусть останется, – произнёс принц. – Отложи ей еды, пусть тоже поест... Почему её не накормили?
- Девушка поест на кухне, – попытался возразить слуга.
- Какие-нибудь помои... Пусть поест с моего стола.
- Как пожелаете, милорд.

Старик сам прислуживал принцу за столом, по-видимому, это была его привилегия. Льяне он отложил еду на отдель-

ное блюдо. Она устроилась в уголке комнаты, сев просто на пол и поставив блюдо на колени, и с жадностью начала есть. Последние несколько дней её почти не кормили, да и диета из хлеба и воды, которыми она питалась в темнице Слэйда, не особо питательна. Одним словом, Льяна здорово проголодалась.

Девушка так увлеклась вкусной и сытной едой, что не замечала сочувствующих взглядов, которые бросали на неё мужчины. Она даже забыла, что не одна в комнате, пока голос принца не вернул её к действительности:

– Хочешь ещё?

Льяна подняла на господина глаза, затем взглянула на вылизанную начисто тарелку, и смутилась.

– Тебя не кормили? – вновь спросил принц.

– Я почти не ела восемь дней... – тихо ответила она.

– Кто же тебя морил голодом?

– Господин Слэйд, мой бывший хозяин.

– Но почему?

– Я провинилась и меня посадили в темницу на хлеб и воду.

– А потом остригли? Так поступают с гулящими рабынями. Ты вела себя несдержанно или просто полюбила без позволения?

Льяна невесело усмехнулась и ответила:

– Нет... Я любила, и мою любовь поощряли, пока это было выгодно господину. А когда я выполнила свою миссию и

стала не нужна хозяину, меня прогнали. А его супруги, в отместку за мою любовь, остригли мне волосы и продали работорговцу.

– Так ты была наложницей?

– Я и сама так думала. Но, оказывается, я была просто насадкой, чтобы вывести господину цыплёнка-наследника.

В глазах принца появился интерес.

– Поясни свои слова, мне не всё понятно.

– Я была наложницей Слэйда, пока не родила ему сына, так как его две жены не могли понести от него. Когда я родила, он забрал ребёнка, даже не дав на него взглянуть, а меня прогнал на кухню. Я была в ярости и учинила там погром. За это меня наказали плетью и посадили в темницу. А затем его супруги остригли и продали меня... Теперь всё понятно?

Льяна говорила жёстко и даже грубо, несколько не заботясь, нравится это господину или нет. Воспоминания причиняли боль, а она не хотела показывать этому вельможе, как страдает.

Но её тон, казалось, несколько не задел принца. Когда девушка умолкла, он мягко произнёс:

– Тебя жестоко обидели... Теперь понятно, почему твои волосы седые, как у Дарджо, – принц взглянул на старика-слугу. – А я думал, это какая-то аномалия.

– Мои волосы? – растерянно произнесла Льяна, проведя ладонью по шершавой голове, покрытой коротким ёжиком начавших отрастать волос.

– Принеси зеркало, – приказал принц слуге. Тот вышел и через несколько минут вернулся с небольшим круглым зеркалом на длинной ручке. Подал его девушке и отступил. Льяна поднесла к лицу волшебное стекло и с опаской взглянула на отражение. Из зеркала смотрело чужое незнакомое лицо: впалые щёки, бледная кожа, огромные тёмные глаза и круглый голый череп, серебрившийся молодой порослью... Тёмные от рождения волосы полностью потеряли цвет и стали серебристо-белыми, словно горный снег. Льяна, не веря собственным глазам, несколько раз провела ладонью по голове и прошептала:

– Разве так бывает? Мне только шестнадцать лет, а я уже седая, словно древняя старуха... Значит, я скоро умру?

Принц улыбнулся.

– Не беспокойся, с тобой всё в порядке. Седеют даже маленькие дети после сильных потрясений. По-видимому, поступок бывшего господина так сильно подействовал на тебя, что волосы утратили цвет. Если бы их не остригли до этого, ты бы заметила перемену раньше.

Льяна посмотрела на господина недоверчиво.

– А они могут снова стать тёмными?

– К сожалению, нет. Этот процесс необратим. Но ты будешь красавицей и с такими волосами... Когда немножко поправишься.

Служба у принца Альдрика не обременяла. Его Высочество целыми днями просиживал в кабинете, погружённый в какие-то научные исследования. В обязанности Льяны входило всё время находиться при господине. После несложных утренних работ по уборке его спальни, девушка приходила в кабинет и тихонько сидела в уголке, ожидая, пока появится необходимость в её услугах. Если было жарко, принц желал холодного сидра из погребов. Когда становилось холодно, приказывал разжечь камин. Иногда требовал подать ту или иную книгу или достать свиток с верхних полок, куда ему было тяжело забираться из-за больной ноги.

Когда Льяна прослужила примерно с месяц и немного сблизилась с Дарджо – личным слугой Альдрика – он рассказал грустную историю принца. В молодости тот очень любил путешествовать, и побывал во многих странах мира. На личном корабле он проводил времени больше, чем на суше, в пэрском дворце. Из одной поездки Альдрик привёз красавицу-жену, какую-то варварскую принцессу. Но даже женитьба не смогла удержать его дома, и через некоторое время он вновь отправился в путешествие. Супруга не захотела оставаться одна среди чужих людей, и отправилась вместе с ним. Так они и путешествовали некоторое время, пока принцесса не затяжелела первенцем. Альдрик решил возвратиться домой и некоторое время пожить на берегу, заботясь о жене и ребёнке. Но тут боги, хранившие его во многих более опас-

ных путешествиях, почему-то отвернулись, и, у берегов родного острова, его корабль попал в жестокий шторм, неожиданно налетевший с юга. Судно выбросило на прибрежные камни и разбило в щепки. Все, кто был на борту, погибли, спаслось лишь несколько человек. Среди выброшенных волнами на берег оказался и принц Альдрик. Бушующие волны сильно искалечили тело о камни. Но, благодаря местным рыбакам, обнаружившим его, принца быстро доставили в метрополию, где придворный лекарь поставил его на ноги. Всё это случилось больше двух лет назад, и с тех пор Альдрик ни разу не выходил в море. Он почти не покидал пределов дворца и с головой окунулся в книжные изыскания.

Льяна поудивлялась превратностям судьбы, посочувствовала несчастному принцу, но он не стал ей ближе. Она старалась не позволять ни одной сближающей людей эмоции вмешиваться в её отношения с господином. Хватит с неё господской нежности и любви – она уже увидела, что из этого получается. Не стоит забывать, что он высокорождённый вельможа, а она всего лишь рабыня, купленная, как вещь. И хотя принц относился к ней с добротой и заботой, словно к младшей сестре, а не к служанке, Льяна всё время твердила себе, что это господская прихоть или присущее мужчинам коварство.

Однако, прослужив некоторое время и узнав принца получше, Льяна поняла, что он просто добрый и несчастный человек, требующий заботы и утешения не меньше, чем она.

Вскоре между ними зародилось чувство, сродни дружбе. Началось всё с того, что, как-то раз, девушка попросила посмотреть толстую книгу с картинками, которую увидела на одной из полок. Принц разрешил, но приказал быть предельно осторожной, так как книга очень ценная. Льяна положила фолиант на специальную подставку у окна и открыла обложку. Читать девушка не умела, но вскоре сообразила, что на страницах изображены животные из различных стран мира. Под выразительными цветными картинками, нарисованными талантливым художником, темнели подписи, выведенные красивым каллиграфическим почерком, описывающие название животного, место его обитания и краткую характеристику.

Льяна с интересом рассматривала картинки, удивляясь и восхищаясь их выразительности. Большинство изображенных животных оказались неизвестными, но попадались и узнаваемые. Когда встретилось первое знакомое животное – горный лев, водившийся в лесах Бритландии – девушка не удержалась от радостного восклицания. Принц поднял голову, посмотрел на рабыню, но ничего не сказал. Льяна продолжала листать плотные бумажные листы, пока не увидела рисунок древесного ползуна, на которого часто охотился отец. мех этих зверей высоко ценился, и его охотно брали городские купцы. На картинке животное выглядело неправильно: вместо длинного, скрученного над спинкой хвоста, торчал шаровидный пушистый огрызок.

– Эта картинка неправильная! – не удержалась от возмущённого восклицания девушка. – Где они видели у ползуна такой хвост? Чем он будет цепляться за ветки?

Принц снова оторвался от занятий и тихо спросил:

– Чем ты недовольна, Лианна?

Девушка сняла с пюпитра книгу и положила на стол перед господином. Ткнув пальчиком в картинку, сказала:

– У древесных ползунов не бывает таких хвостов. Здесь человек, рисовавший картинку, ошибся.

Принц внимательно рассмотрел рисунок, прочитал надписи и посмотрел на девушку.

– Во-первых, человек, рисующий картинки или портреты, – он кивнул на висящее над камином изображение какого-то предка, – называется художник. Запомни это слово. Во-вторых, это животное не древесной ползун, а выюрок с острова Звезда Юга. Здесь так написано, – он постучал пальцем по значкам под картинкой.

Льяна хмыкнула.

– Я не умею читать... Но этот... выюрок... очень похож на древесного ползуна с моей родины, которому горный лев откусил половину хвоста... Прошу прощения, господин, если помешала вам.

– Пустяки. Я уже устал читать этот свиток. А ты хорошо знаешь животных своей родины?

– Конечно, ведь мой отец охотник. Он часто охотился на ползунов, и на горных львов, и на оленей – больших и серых,

и на другую дичь. Мой отец очень опытный охотник, и боги всегда были на его стороне – он никогда не возвращался из леса с пустыми руками. В крайнем случае, принесёт десяток глупых кроликов или несколько уток с болот.

– У тебя дома осталась большая семья?

– Да. Папа, мама, четыре старших брата и две сестры. Я была самой младшей. Я родилась, когда мама уже не надеялась иметь детей, поэтому меня назвали Льяной, по-вритландски «неожиданность».

– Так твоё настоящее имя Льяна?

– Да... Мой первый хозяин сказал, что оно звучит по-варварски, и назвал меня Лианной.

– Наверное, в своё время ты сумела изумить его, если он дал тебе такое красивое имя... Мне оно нравится, но если хочешь, я буду называть тебя твоим прежним именем.

– Нет, пусть будет Лианна, я привыкла к нему. Льяна умерла, когда умерла моя свобода.

Погрузившись в воспоминания, девушка погрузилась, и принц заметил это. Чтобы отвлечь её от печальных мыслей, спросил:

– Ты хочешь научиться читать?

– Я?.. – растерялась Льяна. – Но... Разве рабыне можно уметь читать?

– Конечно. Более того, грамотный обученный раб стоит дорого и весьма ценится своим хозяином. Он не делает грязную или тяжелую работу, живёт в роскоши, которая и не сни-

лась некоторым свободным гражданам.

– А вы можете научить меня грамоте?

Принц посмотрел на девушку долгим задумчивым взглядом и медленно кивнул. На его губах появилась загадочная улыбка.

– Почему бы и нет? Если ты этого хочешь... А ты хочешь, Лианна?

– Да, господин.

– Тогда подай мне вон ту книгу в красном переплёте.

Льяна достала с полки книгу и положила на стол.

– Возьми стул и сядь рядом.

Девушка выполнила и этот приказ. Принц положил книгу перед Льяной и раскрыл на первой странице. В ней тоже были картинки, правда, небольшие, и возле каждой был изображён большой знак.

– Эта книга называется "Азбука". Вот эти картинки предназначены для лучшего запоминания букв. А это буквы. Смотри, вот буква А, а на картине изображён цветок абиса. Понимаешь, картинки изображают ту вещь, название которой начинается с изучаемой буквы. А теперь смотри сюда. Это буква Б. Что ты видишь на картинке?

– Барабан.

– А вот здесь нарисован веник. Значит, какая это буква?

– В!

– Правильно. А вот это?

– Г! Ведь это грабли?

– Верно... А это?

– Корабль.

– А буква?

– К.

– Молодец! Ты очень умная девушка.

Они так увлеклись обучением, что совсем забыли о времени и о делах. Принц оживился, часто смеялся над ошибками ученицы, глаза его сверкали. Казалось, он даже помолодел на несколько лет, когда на его лице разгладились печальные морщины.

От увлекательного занятия их оторвал приход Дарджо, который пришёл узнать, почему господин не идёт ужинать. Но, увидев весёлое оживлённое лицо и задор в его глазах, прикусил язык.

– Чем вы тут занимаетесь? – беззаботно спросил он. – Может, и меня, старика, повеселите?

– Господин учит меня читать! – радостно сообщила девушка.

– Вот как? И зачем это тебе?

– Чтобы я могла прочитать надписи в этой книге, – наивно ответила Льяна.

– Вот именно, – улыбнулся принц. – А ещё, чтобы быстрее находила нужную мне книгу. Теперь не надо будет подробно её описывать, достаточно будет сказать название.

– Ну что ж, это дело нужное... А сейчас, если вы закончили, не пора ли на ужин?

*

С этого памятного дня, Льяна начала обучаться грамоте. Сначала дело шло быстро и весело, пока она изучала буквы, затем немного застопорилось, когда буквы начали складываться в слова. Но пытливый и сообразительный ум преодолел и эту преграду. Вскоре она неплохо читала по слогам, а через полгода достаточно бегло.

Когда с чтением закончили, перешли к письму. О, здесь девушка мучилась долго, пока научилась правильно держать стило и выводить более-менее правильные буквы. Но учитель был неумолим, заставляя "ученицу" переписывать из книг целые страницы, подражая почерку писавших их каллиграфов. Занятия письмом девушке совершенно не нравились, но она старательно пыхтела над бумагой, видя, какое удовольствие доставляет учителю её прилежание. За время занятий, незаметно для себя и вопреки своим желаниям, Льяна невольно привязалась к принцу, и не хотела портить его хорошее настроение, заметно поднявшееся со дня начала обучения.

Когда у девушки выработался приемлемый почерк, Альдрик перешёл к занятиям математикой. Начинать вновь пришлось с азов: изучения цифр, математических знаков, простейших правил арифметики. Через несколько месяцев пала и эта крепость, и Льяна научилась бойко считать, складывать и вычитать.

Альдрик научил девушку читать и понимать красоту сти-

хов, ценить хорошую музыку, красиво и со вкусом одеваться, для чего начал покупать и дарить хорошую одежду. Он привил ей любовь к чтению, и теперь девушка все свободные минуты проводила с книгой в руках. Находясь в кабинете, Ляна перестала быть пассивной скупающей служанкой, а превратилась в грамотного помощника. Она подыскивала нужные книги и свитки или делала небольшие записи, если господин был занят другими делами.

– 8 –

За три незаметно пролетевших года, Ляна очень изменилась. После родов, при хорошем питании, худощавое тело округлилось и приобрело соблазнительные женственные формы. За последние спокойные года она подросла и похорошела ещё больше, превратившись в статную роскошную красавицу, главным украшением которой стали необычные серебристо-белые волосы, обрамлявшие золотисто-смуглое лицо с большими, таинственно сверкавшими карими глазами. Многие мужчины – и во дворце, и вне его, рабы, свободные, слуги и господа – заигрывали с девушкой, соблазняя всеми мыслимыми способами. Но, наученная горьким опытом и полная недоверия ко всему мужскому роду, Ляна не поддавалась соблазнам, редкие позывы неудовлетворённой плоти подавляя усилием воли. Помогало также сдерживать страсть одно обстоятельство: она давно и безнадежно жела-

ла Альдрика. Не то, чтобы она была в него влюблена, но какое-то чувство, несомненно, присутствовало. Чувство, часто возникающее у юных учениц к обаятельному учителю. Она желала его, как мужчину, не более; хотела обладать им, как труднодоступной вещью. Но принц, к сожалению, до сих пор относился к девушке, как к ребёнку, не замечая, как она превращается в соблазнительную женщину.

Став старше и поднабравшись опыта у подружек, Льяна решила попробовать завоевать принца, не дожидаясь, пока он обратит на неё своё рассеянное внимание. Благодаря щедрости господина, она одевалась в красивые платья, давно расставшись со скромным нарядом рабыни. Могла пользоваться косметикой и благовониями. Почти все во дворце считали, что Льяна или наложница, или домашняя любимица принца Альдрика. Домашними любимцами называли рабов, пользовавшихся особым расположением господ. И это предположение казалось верным: кто же тогда Льяна, если не домашняя любимица? Ухоженная, обученная, самоуверенная, свободно разгуливающая по дворцу, отказывающаяся в покровительстве даже вельможам высокого ранга? Она постоянно находилась рядом с господином, даже, когда он выходил на редкие прогулки в парк или посещал родственников. Последние два года принцу не раз предлагали продать Лианну за весьма большие суммы, но Альдрик категорически отказывался. Это лишь укрепляло сплетни, гулявшие по дворцу.

Но Альдрик, как всегда, был глух и слеп ко всему, что не касалось его любимых занятий. Зато Льяна держала глаза и уши широко открытыми, замечая всё происходящее во дворце. Несмотря на то, что большую часть времени она проводила рядом с господином, девушка была в курсе всех событий и дворцовых интриг, благодаря болтливым подружкам-прислужницам. Она одной из первых узнала о тяжёлой болезни пэра, и что дни его сочтены. Знала, что младший брат господина, принц Кайот, ненавидит и презирает старшего брата, и плетёт интриги, чтобы самому сесть в кресло пэра Латоса после смерти отца. Знала и то, что большинство вельмож поддерживают его, считая Альдрика чудачком и отшельником, не пригодным для управления такой большой и дикой провинцией, как остров Латос. Но пэр больше любил старшего сына, отпрыска первой жены, первенца среди многочисленного потомства, и не слушал доводов советников и подчинённых.

Тучи начали сгущаться в последние дни болезни правителя. По дворцу бродили смутные и неясные слухи о готовящемся перевороте и амбициях молодого Кайота. Все ожидали тревожных и, возможно, не очень приятных перемен, только Альдрик безмятежно и спокойно просиживая дни в кабинете.

Дарджо тоже беспокоился, нюхом старого вояки чуя запах приближающейся беды, пытаясь предупредить господина, обратить его внимание на происходящее. Но принц лишь раздражённо отмахивался, предлагая слуге "не заби-

вать голову всякими глупостями и меньше прислушиваться к сплетням".

На фоне общей тревоги, Льяна и Дарджо сблизились. Однажды вечером, укрывшись в гардеробной комнате, они обсудили сложившиеся обстоятельства и выработали план, на случай непредвиденной ситуации.

Как-то, роясь среди свитков и карт, Льяна, случайно, обнаружила старый план дворца. При помощи Дарджо, она разобралась с чертежами, и обнаружила скрытые в стенах и под полом потайные ходы, соединяющие многие комнаты дворца и ведущие за его пределы. В тот же день они обследовали ход, идущий из кабинета Альдрика в подвалы, откуда уже другим ходом можно было выйти на опушку леса далеко от дворца. Ходы покрывала вековая пыль, стены кое-где осыпались, вращающиеся панели и потайные пружины заржавели и скрипели, но всё же работали, и девушка надеялась, что, в нужный момент, они не подведут. В лесу, недалеко от выхода потайного хода, в укромном месте, Дарджо спрятал всё необходимое на случай поспешного бегства, а в селении на опушке, у знакомого крестьянина, держал четырёх сильных выносливых лошадей.

После всех приготовлений, душа Льяны немного успокоилась. Но всё же она продолжала тревожиться, и последние дни ни на миг не оставляла принца одного. Она молила всех богов, которых знала и о которых только слышала, чтобы они не допустили несправедливости, и её тревожные пред-

чувствия не оправдались. Но, то ли боги не услышали её молитв, то ли она молилась недостаточно усердно, то ли у богов были свои, неведомые смертным, планы, только настал этот ужасный день, которого она опасалась... И тогда девушке пришлось вспомнить бурную молодость и все умения и навыки, переданные отцом.

*

Это случилось на пятый день после похорон старого пэра. В этот день, после полудня, должен был заседать Совет Короны, утверждавший наследника умершего правителя в законных правах. Альдрик, находясь в своих комнатах, одевался в парадные одежды. Льяна и Дарджо помогали ему. Внезапно из коридоров донёсся шум, дверь резко распахнулась, и в комнату вошли трое солдат во главе с сержантом. Это оказались воины Латорийского гарнизона, а не дворцовые стражники. Принц обернулся и удивлённо спросил:

– Что это значит? Как вы посмели войти без разрешения?

– Ваше высочество, по приказу пэра Кайота вы арестованы, – ответил сержант, глядя на принца. – Мне приказано доставить вас в Башню Света. Прошу следовать за мной, милорд.

– Что?! – изумлённо воскликнул Альдрик. – С каких пор Кайот стал пэром?

– Не вынуждайте меня применять силу, – усмехнулся сержант. – Мне приказано, в случае сопротивления, убить вас. С этой минуты ваша жизнь никому не нужна.

– Лжёшь, предатель, – выступил вперёд Дарджо. – Она нужна мне. И нужна другим честным людям, не продавшимся узурпатору за гроши.

– Заткнись, старый болван, пока я не перерезал твою глотку! – рявкнул сержант, обнажая меч.

– Я старый солдат, а не болван, и воевал, когда ты ещё сидел на горшке, – ответил Дарджо и выхватил спрятанный за поясом рапит – трубочку с отравленной стрелой, с действием которой Льяна познакомилась в былое время. Быстро поднеся её к губам, он сильно дунул. Маленькая стрелка, на этот раз смазанная смертельным ядом, попала сержанту точно в глаз. Он закричал, но его вопль через миг перешёл в хрип. Зашатавшись, он упал. Меч выпал из его руки и, звеня на каменном полу, подкатился к ногам принца. Но Альдрик, поражённый и оглушённый случившимся, даже не попытался его поднять. Это сделала Льяна. Меч казался тяжеловатым для давно не знавших тяжёлой работы рук, но она не потеряла хватки, разве что не была такой быстрой, как прежде.

Правила раторрской борьбы гласили: нападение – лучший способ защиты, неожиданная атака – половина успеха. И Льяна, как только в её руке оказался меч, тут же нанесла первый удар ближайшему солдату. Когда-то она прошла хорошую школу фехтования у Эльвина Кори и других корсаров, а гарнизонные солдаты давно не участвовали в настоящих схватках. К тому же, они не ожидали сопротивления, тем более, от девчонки-рабыни и старого слуги. Их растерянность

сыграла на руку Дарджо и Льяне. Рапит старика выплюнул ещё одну стрелку и ещё один солдат упал на пол, подёргиваясь в предсмертных судорогах. Льяна завязала бой с одним из двух, оставшихся в живых. Клинок девушки успел рассечь ему рукав куртки, пока он сообразил обнажить свой меч и начать обороняться. Льяна знала, что долгого боя не выдержит – силы неравные. Ей могли помочь только быстрота и умение, поэтому сразу применила весь арсенал полученных когда-то знаний, чтобы обезоружить воина. В этом ей помогли раторрские приёмы, ведь они были разработаны именно для того, чтобы обезоружить и убить противника как можно быстрее.

Предчувствуя, что скоро, возможно, придется драться, чтобы защитить себя и господина, Льяна последние дни носила костюм рабыни – узкие брючки и тунику – правда, из шёлка и бархата, а не из полотна или грубого льна. Для бега, прыжков и драки этот наряд подходил больше, чем платье: он не стеснял движений и позволял свободно двигать ногами.

Вспомнив чуть подзабытые знания и умения, она провела серию приёмов, помогая себе мечом и сорванной шторой, часть которой намотала на левую руку вместо щита, а свободным концом хлестала противника по глазам, сбивая с толка. Через несколько минут такого странного боя солдат лишился оружия, а клинок Льяны, посланный недрогнувшей рукой, вонзился ему в живот, застряв в позвоночнике. Лья-

на не сумела его выдернуть сразу и еле успела увернуться от выпада второго солдата. Она резко вывернулась, набросила на его меч жгут из шторы и дёрнула к себе. Солдат меч не выпустил, но наклонился вперёд, теряя равновесие. И тогда девушка ударила его в лицо подошвой сандалии, ломая нос и разбивая губы. Голова воина невольно запрокинулась назад, открывая горло, и вторым ударом той же ноги Льяна разбила ему гортань. Воин рухнул, хрипя и захлёбываясь кровью.

Вся битва заняла несколько минут, но распалила девушку, словно тяжёлая работа. Годы безделья и сытой жизни давали о себе знать. Лицо её покраснелось, волосы растрепались, глаза гневно сверкали. И принц, и Дарджо, даже не подозревавшие о способностях рабыни, смотрели на неё с неподдельным изумлением, разве что рты не открыли. Льяна повернулась к мужчинам и, переведя дух, сказала:

– Чего вы ждёте? Нужно бежать! Дарджо, ступай вперёд и приведи лошадей на условленное место, а я выведу господина.

И старый слуга, до сих пор покровительственно относившийся к девушке, безропотно подчинился приказу. Выскользнув за дверь, он поспешил прочь из дворца.

– Господин, нам нужно добраться до вашего кабинета. В нём есть потайной ход, который выведет нас из дворца, не подвергая вашу жизнь опасности. Но сначала...

Она метнулась в гардеробную и вынесла оттуда охапку одежды. Бросив её к ногам принца, приказала:

– Переоденьтесь!

Альдрик, хоть и был слабохарактерным человеком, но отнюдь не дураком. Он понимал, что сейчас его жизнь и воля зависят от ума и самообладания маленькой рабыни, и подчинился без возражений. С помощью девушки, он быстро сбросил непрактичный блестящий парчовый костюм, а вместо него надел тёплый и прочный охотничий. Набросил на плечи плащ, прицепил к поясу боевой меч, пылившийся на полке несколько лет, и обул прочные сапоги. На голову нахлобучил стальной шлём. Ляна, облачая принца, не забыла и о себе. Она тоже набросила на плечи тёплый плащ с капюшоном и застегнула на талии пояс с ножнами. Из кладовки с оружием прихватила охотничий арбалет принца, а ему вручила футляр со стрелками и рапит, которым не умела пользоваться.

Выглянув за дверь, подала принцу знак, и они поспешили по пустому коридору.

– 9 –

Кайот, подготавливая поворот, предусмотрел, казалось бы всё, но он не мог предугадать, что его слабохарактерный брат-отшельник окажет серьезное сопротивление, и посчитал, что четверых бравых вояк будет вполне достаточно. В его планах не фигурировали Дарджо и Ляна, он не считал их даже малейшей помехой. Потому для ареста Альдрика по-

слали так мало солдат. Не считая убитых возле опочивальни, беглецам встретились только двое, стоявшие у дверей кабинета. Они не сразу узнали в приближающихся фигурах принца и его рабыню, поэтому подпустили довольно близко. Выстрел из рапита замедлил их реакцию, а мечи довершили дело. Не став добивать раненых, беглецы поспешили в кабинет. Девушка тут же подошла к стеллажам с квадратными ячейками, в которых лежали свитки, и, отыскав потайной рычажок, нажала на него. Скрипя и дрожа, часть стеллажа отодвинулась, образовав узкий проход, из которого потянуло сыростью и запустением, как из могильного склепа.

Пока Льяна возилась со стеллажами и зажигала масляные лампы, при свете которых принц работал вечерами, Альдрик поспешно складывал в сумку какие-то бумаги и книги, с которыми не пожелал расстаться.

– Скорее, господин, – поторопила девушка, стоя у входа с двумя горящими лампами. – Нам дорога каждая минута.

– Да-да, Лианна, уже иду, – ответил принц, подхватил туго набитую сумку и ступил в тёмный проход. Льяна вручила ему одну лампу и предупредила:

– Осторожнее, ступеньки крошатся.

– Ты уже ходила здесь?

– Конечно. Мы с Дарджо два раза прошли этим путём, чтобы запомнить дорогу.

– Вы знали о перевороте? – принц обернулся через плечо и посмотрел на девушку.

– Смотрите под ноги, господин. Я не хочу, чтобы вы сломали шею. Не доставляйте лишней радости брату... О перевороте догадывались все. Дворец давно бурлил слухами. Дарджо предупреждал вас, но вы не прислушались к его словам.

– Я оказался глупцом... – пробормотал принц и замолчал. Льяна закрыла тайный вход и начала спускаться вслед за господином. Крошащиеся от сырости, покрытые столетней пылью ступени, круто вели вниз, в подвалы. Оттуда, узкий и низкий, резко петляющий коридор, вёл за пределы дворца и выходил в глубоком, заросшем кустарником овраге, скрытый от посторонних глаз завесой лиан, через которую с трудом продрались беглецы.

Сначала Льяна внимательно огляделась и прислушалась, и только потом повела принца к условленному месту, где должен был ждать Дарджо с осёдланными и загруженными припасами лошадьми.

К радости и облегчению девушки, старый слуга находился на месте, и уже заканчивал увязывать груз, когда появились беглецы.

– Слава Небесам, вы здесь! – воскликнул он. – Всё прошло благополучно?

– Нам пришлось прибрать ещё двоих у двери кабинета. К сожалению, они лишь ранены и смогут рассказать о нашем бегстве. Принц Кайот, если не дурак, догадается, каким путём мы ушли, так что нам лучше поторопиться, пока не вы-

слали погоню.

Беглецы сели в сёдла. Льяна стегнула коня и вырвалась вперёд. Мужчины и здесь без возражений последовали за девушкой.

Когда они углубились в густую чащу, в которой, казалось, не ступала нога человека, Дарджо спросил:

– Куда ты едешь, Лианна? Дорога на Торес в другой стороне.

– Дороги сейчас – самое опасное место, и от них нужно держаться подальше, – ответила Льяна.

– А как мы доберёмся до Тореса?

– Нам обязательно нужно в Торес? – Льяна остановила коня и повернулась к спутникам. – Мы ушли из дворца и пока что оторвались от погони. Что дальше, господин? Едем в Торес, куда-нибудь ещё или спрячемся в лесу и пересидим смутное время?

– Думаю, нам лучше добраться до Тореса. Там я буду в безопасности. В Торесе правит лорд Брестон, он брат моей матери и был лучшим другом отца, он не выдаст меня узурпатору... Но до Тореса больше ста пятидесяти миль и туда ведёт одна дорога. Кайот пошлёт по ней погоню в первую очередь.

– Значит, мы поедем другой дорогой, – произнесла Льяна. – Пусть патрули принца Кайота сидят на ней хоть до окончания веков, а мы проедем лесом.

– Без опытного проводника? Мы будем бродить по этим

лесам, пока не умрём от голода, – возразил Дарджо.

– Умереть с голода? В лесу? Летом? – усмехнулась Льяна. – Разве ты забыл, что я дочь охотника? В детстве и юности я не сидела у ткацкого станка, а ходила с отцом на охоту. Может, я и не очень опытный проводник, но никогда не заблужусь в лесу, если знаю, куда идти, и уж тем более не умру с голода, даже если со всего оружия у меня будет один лишь нож.

– Да тебе цены нет, Лианна! – улыбнулся принц. – По видимому, сами боги направили тебя ко мне... Веди нас. Нам нужно на северо-запад; Торес находится на берегу бухты Просторной на западном побережье.

– Сегодня нам нужно уйти от города как можно дальше, желательно запутав след, а потом будем прокладывать маршруты.

– Делай, как считаешь нужным, – сказал Альдрик. – В этом походе ты – главная. Если мы доберёмся до Тореса целыми и невредимыми, клянусь богами и душой своей матери, я исполню любое твоё желание, девушка!

– А почему не три? – пошутила Льяна. – В сказках всегда исполняют три желания.

– Пусть будет три, – без тени улыбки согласился принц. – Ты заслуживаешь большего.

– Благодарю, мой господин. Но хватит болтать и поспешим. Следите за мной: если я подниму руку и покажу один палец – будьте внимательны, два – приготовьте оружие, в ес-

ли всю ладонь – замрите на месте и молчите.

Льяна повернула на север и тронулась в путь, а принц и Дарджо последовали за ней.

Всадники ехали, пока не оказались на берегу небольшой речки, медленно несущей воды среди покрытых густыми лесами берегов. Речка текла с запада на восток, направляясь к морскому побережью. Льяна спешила, осмотрела берега и дно реки и спросила:

– Переправимся здесь или останемся на этом берегу?

Принц посмотрел на висящее над деревьями заходящее солнце и сказал:

– Если не ошибаюсь, это Ирид. Дорога на Торес подходит к его берегу выше по течению. Думаю, нам лучше перебраться на тот берег и скрыться в лесу. Возможно, Кайот разошлёт погоню во всех направлениях.

– Ладно, не будем терять времени.

Льяна повернула коня на восток и, проехав около кема, въехала в воду и направилась к противоположному берегу. В самом глубоком месте вода доставала лошадям до брюха, и беглецы перебрались на тот берег, даже не замочив ног. Опытный глаз Льяны легко отыскал брод на незнакомой реке.

На левом берегу Льяна продолжила движение вниз по течению, оставляя чёткие следы на влажном песке. Но как только берег стал выше и суше, покрылся густой жёсткой травой, она резко свернула на север, а ещё через полтора-два

кема – на запад.

Сделав такой крюк, путники ехали, пока солнце окончательно не скрылось за деревьями, и в лесу не начали стучаться тени. Тогда Льяна присмотрела удобное для ночлега место и предложила остановиться на отдых.

Путники расседлали и стреножили коней, насобирали хвороста для ночного костра и сделали примитивные лежа из веток и травы. При этом принц не сидел, сложа руки, а работал наравне со всеми.

Когда временный лагерь был готов, а до темноты ещё оставалось время, Льяна взяла в руки дротик и пошла на берег широкого и глубокого ручья, нёсшего прозрачные журчащие воды в Ирид.

Притаившись на стволе склонённого над ручьём дерева, она терпеливо ждала, пока под ней проплывёт крупная рыба. Быстрым ударом дротика накалывала её на наконечник и выбрасывала на берег. Первые два раза она промахнулась – сказывались годы безделья – но затем дела пошли лучше, и она поймала пять отличных жирных усаток, которых запекла в углях. Печёная рыба оказалась хорошей и вкусной добавкой к сухим лепёшкам, захваченным Дарджо из селения.

– Если так дела пойдут и дальше, то путешествие через дебри покажется не тяжелее пикника за городом, – усмехнулся старый слуга, обсасывая рыбы кости.

– Не забывай о табисах, – напомнил Альдрик. – Эти полосатые бестии могут испортить тебе не только настроение,

но и шкуру.

Льяна никогда не видела живых табисов – самых больших хищников Латоса, но из книги о животных знала, как они выглядят, и прочитала об их повадках и привычках. Табисы охотились только в сумерках (поздно вечером или на рассвете), а в остальное время спали в самых глухих уголках леса. Табисы не очень крупные, но сильные хищники – любой из них мог легко загрызть лошадь, не говоря уже о человеке. Но, так как на табисов усиленно охотились из-за красивой золотисто-полосатой шкуры, их оставалось не так уж много. Они предпочитали прятаться в глухих недоступных местах и старались избегать встреч с человеком.

После ужина, когда ночная тьма стеной подступила к костру, окружив сидящих у огня людей пугающим незнакомыми звуками мраком, беглецы, чтобы скоротать время до сна, вели неторопливый разговор. Говорил в основном Дарджо, рассказывая, как он выбрался из дворца и пробирался в селение, а затем тайком уходил в лес. Альдрик, слушая слугу вполуха, рылся в сумке с книгами, захваченными из дворца. Вынув какой-то свиток, удовлетворённо воскликнул:

– А вот и она!

Льяна и Дарджо с интересом посмотрели на господина. Тот развернул на коленях свиток и пояснил:

– Это подробная карта Латоса, составленная в прошлом веке. Она поможет нам в путешествии.

– Вряд ли, – возразила Льяна. – Разве только на ней ука-

заны все звериные тропы и логова хищников, которые нам следует обходить стороной... Единственное, в чём она может помочь, так это верно придерживаться избранного пути... Позвольте, господин?..

Льяна взяла карту, внимательно рассмотрела, а затем разложила на земле, повернувшись лицом на север. Ткнув пальцем в некую точку на карте, сказала:

– Мы, примерно, здесь. Значит, если будем идти вот так, то придём прямо к Торесу. Но в лесу не бывает прямых путей, нам придётся петлять, обходить препятствия или убежать от хищников. Поэтому, 150 кемов, указанные на карте, увеличатся до двухсот – и это в лучшем случае. Если будем спешить, то на дорогу уйдёт четыре-пять дней.

– А тебе не кажется, что намеченный тобой путь лежит слишком близко к Торесской дороге? – спросил Дарджо.

– Да, это так, если смотреть на карту. На самом деле до неё будет пять-десять кемов. В любом случае, мы можем взять чуть правее и пойти вот так. Это добавит нам день пути и даст чувство безопасности.

– Твой путь выглядит хорошо на карте, а как ты будешь ориентироваться на местности?

– Просто, – Льяна отыскала на земле длинную ровную палочку и положила её на карту, соединив воображаемую точку, где находились они, и город Торес. Затем продолжила воображаемую линию за пределы карты и указала на расщепленное молнией дерево.

– Торес вон в той стороне в ста пятидесяти кемах отсюда.

– Уверена? – не унимался Дарджо.

– Я сужу по карте. Здесь указан север, и я положила карту по стрелке. Значит, здесь запад, тут восток, здесь юг, а вот тут Торес. Когда мы убегали, я шла на север, по времени и скорости движения, я, примерно, рассчитала пройденное нами расстояние, поэтому знаю, где мы находимся. Если бы у меня были инструменты, какими пользуются моряки, мои расчёты были бы точнее.

Дарджо смотрел на девушку, открыв от удивления рот, а в глазах принца светилось изумление. Когда Льяна умолкла, он сказал:

– С каждой минутой ты преподносишь всё больше сюрпризов, Лианна. Сегодня ты открыла нам столько тайн, что я не знаю, что и думать... Ты превосходный проводник, ты отличный воин, ты грамотный следопыт... Какие тайны ты скрываешь ещё, Лианна?

– Больше никаких, господин.

– Может, вскоре окажется, что ты похищенная дочь вритландского короля?

– О нет, мой отец, в самом деле, охотник, – улыбнулась Льяна. – Хотя я не отказалась бы стать принцессой, хоть на время.

Дарджо хитро усмехнулся и негромко произнёс:

– Это просто... Нужно лишь выйти замуж за принца.

Льяна не обратила на слова старого слуги никакого вни-

мания, посчитав их шуткой, а принц покосился на старика, но замечания не сделал.

– Скажи, Лианна, – обратился он к девушке, – кто научил тебя драться, как мужчина, и владеть мечом, как воин?

– Отец. На Вритландии это называется раторрской борьбой и ею владеют многие простолюдины, для защиты от нападения пиратов и бродяг-ассветов.

– В картах тебя тоже научил разбираться отец?

– Нет, один знакомый капитан-корсар... Он был мне, как старший брат, научил многим полезным вещам, в том числе и фехтованию... – девушка умолкла, погрузившись в воспоминания. Альдрик не стал уточнять, кто такой этот капитан-корсар, и где девушка с ним познакомилась, и тоже умолк, погрузившись в собственные мысли. Дарджо, не привыкший перегружать ум ненужными думами, пододвинул к огню «постели» и лёг спать, мудро решив, что утро вечера умнее, и завтра всё разрешится само.

– 10 –

Путешествие через Дебри – так жители Латоса называли внутреннюю, покрытую девственными лесами часть острова, заняло у беглецов шесть дней, т.к. они двигались не спеша, стараясь придерживаться наиболее безлюдных и диких мест, куда не забредали даже охотники. Льяна возглавляла маленький отряд, и мужчины безропотно ей подчинялись.

Вооружившись картой, девушка сама прокладывала маршрут, и никто не оспаривал её решений. Она же снабжала свежим мясом, ловко стреляя из арбалета мелких зверей и птиц. Предупреждала об опасности, опытным взглядом вовремя замечая засаду или свежие следы хищника, и уводя отряд подальше от рискованных мест.

Хотя путешествие получилось трудным и утомительным, но принц не роптал, деля с товарищами тяжести походной жизни. Наравне со слугами, он собирал хворост, строил укрытие от надвигающейся грозы, спал на твёрдой земле и ел плохо прожаренное мясо; дежурил ночью, если возникала необходимость. Ранее замкнутый и отчуждённый, погружённый в свои мысли и науку, он стал более общительным, открытым. Лицо, прежде бледное от долгого сидения в комнате, приобрело здоровый цвет.

Во дворце принц как бы не замечал распускающуюся красоту служанки, а сейчас Льяна часто ловила на себе его задумчивый взгляд. Да и она начала испытывать к господину необычный интерес. Совместно переживаемые трудности сблизили их больше, чем предыдущие годы общения. А может, долго подавляемая неудовлетворённая страсть. Во дворце девушка не смогла соблазнить господина по трём причинам: первая заключалась в природной сдержанности и благородстве Альдрика; вторая состояла в том, что у принца, как у любого вельможи или просто зажиточного человека, имелись наложницы; а третья – Альдрик, будучи старше Льяны

на пятнадцать лет, относился к ней почти как к ребёнку, которого нужно, защищать, а не унижать.

Но теперь всё изменилось. В один миг рухнул искусственный мирок, которым он отгородился от реальности и болезненных воспоминаний. Всё стало совсем не таким, каким он привык считать до переворота. Глаза его открылись, и принц увидел, что младший брат не глупый и злобный мальчишка, каким он привык его считать, а расчетливый и коварный враг. Он по-новому взглянул на старого слугу Дарджо, и увидел, не уверенного сильного мужчину, каким помнил прежде, а преданного, но слабого старика. А его маленькая рабыня Лианна – тихая и покорная, послушная и незаметная – вдруг превратилась в умного, грамотного, знающего и незаменимого лидера, к тому же ещё и в красивую соблазнительную женщину. Её умелые руки с одинаковой лёгкостью собирали травы для душистого вечернего чая, ломали сучья для костра, натягивали тетиву арбалета и держали рукоятку меча. Они же ловко разделявали дичь, лечили раны, готовили ужин и разминали затёкшие мышцы после долгих трудных переходов. Хотя девушка сама, особенно вначале, сильно уставала, но она не подавала вида, не жаловалась на боль и усталость, никогда не теряла уверенность. Альдрик смотрел на рабыню и поражался, как он раньше не замечал этой необычной красоты и особенностей характера. До какой степени был слеп, что, находясь рядом с девушкой, видел только девочку-рабыню, способную лишь подать-принести-убрать?

Сейчас перед его взором находилась распутившаяся во всей зрелой красоте женщина, необычная, сильная, уверенная, а оттого ещё более волнующая и притягательная. Как всякого слабого человека, его невольно влекли к себе сильные личности, и поэтому теперь он следил за Льяной влюблённым взглядом, не решаясь, однако, сделать первый шаг. Возможно, они так и остались бы чуждыми друг другу, если бы не случай, сблизивший их навсегда.

Беглецы находились уже неподалеку от Тореса, где-то кемах в тридцати. Местность вокруг раскинулась гористая, покрытая хвойными лесами и колючими кустарниками, тормозившими и так нелёгкое путешествие. На пути часто встречались неожиданные препятствия в виде скал, расселин, крутых каменистых спусков или подъёмов. В этих местах водилось мало дичи и встречалось мало воды, и путешественники страдали от жажды. Потому, когда они повстречали шумный прозрачный ручей, небольшим водопадом спадающий со скалы, Льяна решила остановиться на привал, хотя до вечера оставалось ещё несколько часов. Берега ручья заросли пучками сочной травы, на которую с жадностью набросились изголодавшиеся лошади. Путешественники быстро разбили лагерь и разбрелись в поисках сучьев для костра. Льяна взяла арбалет и отправилась вдоль течения ручья, отыскивая место водопоя, чтобы устроить засаду и подстрелить на ужин дичь.

Девушке повезло – вскоре ей встретилась горная лань.

Меткий выстрел обеспечил ужин. Перебросив тушку через плечо, Льяна отправилась обратно. Вдруг, позади послышался лёгкий шелест. Повернув голову, Льяна увидела усатую полосатую морду, выглядывавшую из кустов. Прозрачные зеленоватые глаза, не мигая, смотрели на девушку, а влажные чёрные ноздри широко раздувались, жадно втягивая запах свежей крови, исходивший от выпотрошенной тушки. Повернувшись к хищнику лицом, девушка замерла, лихорадочно ища выход из создавшейся ситуации. Бежать нельзя ни в коем случае, даже бросив добычу. Можно, оставив лань, попытаться медленно отступить. Может быть, табис, соблазнившись дичью, не станет преследовать охотника. Но Льяна не хотела расставаться с ланью, они уже два дня не ели свежего мяса, питаюсь солониной и сухарями... А если, попытаться отпугнуть хищника?

Девушка пристально посмотрела в глаза табиса, по опыту зная, что дикие животные не переносят прямого человеческого взгляда. Чуть наклонила голову, оскалила зубы и угрожающе зарычала, подражая голосу горного льва с Вритландии. Уши табиса настороженно шевельнулись, а кончик хвоста начал нервно дёргаться. Льяна не знала, хорошо это или плохо – сердится табис или испугался? Перебросив тушку на другое плечо, она взяла арбалет поудобнее и отступила несколько шагов к лагерю, не отводя от хищника взгляда и продолжая угрожающе рычать.

Когда она, пятясь, прошла с десятков шагов, табис вышел

из кустов и осторожно пошёл следом. Хвост его всё так же нервно метался по сторонам, а голова низко пригибалась, обнюхивая следы. Льяна продолжала пятиться, не выпуская хищника из поля зрения. Она не переставала угрожающе рычать, а когда табис неосторожно приблизился, подпрыгнула на месте, громко топнув ногами и резко зашипев, словно потревоженная змея. Табис присел от неожиданности, прижал уши и оскалил зубы. Поведение двуногого явно сбивало его с толку. Запах свежего мяса манил, но странное существо, издававшее пугающие звуки и делающее угрожающие движения, сдерживало природную агрессивность.

То размахивая руками, то подпрыгивая, приседая, рыча, шипя, фыркая и улюлюкая, Льяна продолжала отступать, пока не приблизилась к лагерю. На необычный шум, создаваемый девушкой, прибежали принц и Дарджо. Увидев преследующего Льяну табиса, оба замерли в растерянности. Хищник, увидев ещё двуногих, тоже растерялся, не зная, чего от них ждать.

– Дарджо, разожги костёр и тащи пылающие ветки, – распорядилась девушка. – А вы, господин, лучше спрячьтесь.

– Он ведь нападёт на тебя.

– Он давно напал, если бы хотел. Табис идёт за мной около кема.

– Что же его сдерживает?

– Страх и любопытство.

– Чем ты его так напугала?

– Необычным поведением. Животные боятся всего неизвестного.

– Твой арбалет заряжен, почему ты не стреляешь?

– Не уверена, что убью наповал, а раненный хищник всегда опасен.

– И что нам делать?

– Пугать, пока Дарджо не принесёт факелы. Тогда мы прогоним его с помощью огня.

Принц неожиданно присел и заскрёб руками землю, издавая хриплое рычание. Взгляд табиса переместился на него, и он зарычал в ответ.

– Не делайте так больше! – воскликнула Льяна. – Он подумает, что вы бросаете ему вызов. Поднимитесь, вы должны быть выше, чтобы казаться больше и сильнее. Лучше пошвыстайте или ещё как-нибудь попугайте его.

Принц встал, выхватил меч и со свистом рассёк воздух, срезая веточки с ближайшего куста. Одновременно он издал пронзительный улюлюкающий звук, от которого вздрогнула даже девушка. Табис попятился, прижимая уши и скаля зубы, и даже поднял переднюю лапу, словно защищаясь. Наконец, его нервы не выдержали, он развернулся и бросился наутёк – только хвост мелькнул среди деревьев. Когда приковылял запыхавшийся Дарджо, неся охапку горящих веток, табиса и след простыл.

Отдав тушку старому слуге, девушка пошла к водопаду, смыть с одежды кровь. Она прихватила с собой плащ прин-

ца, чтобы закутаться, пока её одежда будет сохнуть после стирки. За последние несколько дней это было первое полноценное купание, и девушка отдалась ему с огромным удовольствием. Лагерь остался за склоном, заросшим густым кустарником, и мужчины не могли увидеть её. Девушка спокойно разделась, выстирала одежду и развесила на ветвях. Затем стала под прохладные струи водопада и с наслаждением начала плескаться, смывая пот, грязь и усталость. Она беззаботно мылась, растирая молодое гибкое тело пучком травы, отчего смуглая шелковистая кожа покраснелась и приобрела приятный аромат.

Вымывшись, Льяна выбралась на берег и нагнула голову, отжимая густые длинные волосы. Когда же подняла, рывком откинув за плечи серебристую гриву, перед ней стоял принц, держа в руках плащ. Девушка не столько испугалась, сколько удивилась.

– Господин? – растерянно произнесла.

Принц молча приблизился и заботливо завернул мокрое продрогшее тело в тёплый плащ. Он не убрал рук, продолжая держать девушку в объятиях, прижавшись так тесно, что они слышали стук сердец друг друга.

Льяна минуту стояла неподвижно, затем подняла глаза и вновь тихо спросила:

– Господин?

Принц наклонил голову и заглянул девушке в глаза.

– Меня зовут Альдрик, – сказал он. – Я больше не хочу

быть твоим господином, и ты мне отныне не рабыня... Я хочу стать твоим другом, Лианна. Ты мне позволишь?

Льяна облизала внезапно пересохшие губы, сердце гулко застучало. В душе поднялась радостная волна, а внезапная смелость сломала последние преграды. Высвободив из-под плаща руки, она обвила шею принца. Они потянулись друг к другу, жаждущие губы встретились и слились в долгом поцелуе.

Долго сдерживаемая страсть вырвалась наружу томным стоном, трепетом тел и лихорадочным срыванием одежды. Льяна не успела опомниться, как оказалась на земле, а принц оседлал её, словно жеребец кобылицу. Жаркие объятия, страстные поцелуи, судорожные движения – и вот долгий протяжный стон удовлетворения излился из её груди, а неземное блаженство охватило тело. Голова закружилась, и она на несколько мгновений потеряла сознание. Когда очнулась – принц лежал рядом, сжимая в объятиях, и на лице его разлилось умиротворение. Увидев, что девушка открыла глаза, он нежно провёл ладонью по её лицу, волосам, шее и прошептал:

– Я люблю тебя...

– Я вас тоже, господин...

Принц положил пальцы на губы девушки и строго произнес:

– Зови меня по имени. Ты теперь не рабыня, ты – свободная женщина.

– Я ещё не привыкла, – ответила Льяна и игриво укусила Альдрика за палец. Затем взяла его в рот и начала нежно посасывать. По-видимому, это понравилось мужчине, потому что глаза его заблестели, а дыхание участилось. Девушка ощутила его восставшую плоть, повернулась к мужчине лицом, прижалась к чреслам, ласкаясь всем телом. Альдрик тут же стиснул её в объятиях и его губы вновь отыскивали её влажный рот. Он хотел подмять девушку под себя, но на этот раз Лианна взяла инициативу в свои руки. Теперь принц лежал голой спиной на каменной земле, а девушка взгромоздилась на него верхом. Она терлась бёдрами и грудью, покусывала за мочки ушей и целовала шею, пока не распалила мужчину до такой степени, что он стонал и извивался от нетерпения. Лишь тогда она позволила ему войти в себя и начала искусную скачку, продлевая его и своё удовольствие. Она довела любовника до такого исступления, что у того глаза закатывались от блаженства. Когда она почувствовала, что уже не в силах сдерживать бушующую в ней страсть, лишь тогда позволила ей излиться в едином порыве со страстью партнёра. Их тела содрогнулись в одновременном экстазе.

Немного отдышавшись, Льяна встала и потянула принца за руку.

– Куда? – спросил тот, неохотно поднимаясь.

– Купаться. Мы извозились в грязи, словно свиньи.

– Давай ещё немного полежим... – попросил Альдрик.

– Нам пора возвращаться. Что подумает Дарджо? Он ре-

шит, что с нами случилась беда.

– Я ещё хочу тебя, Лианна...

– Я надеюсь, у нас будет ещё время на утеху. Ведь это не последняя наша встреча?

– Это первая. Самая первая. И я очень надеюсь, не последняя... Если ты захочешь, конечно, продолжить эти отношения.

– Я захочу, Альдрик, но только в статусе свободной женщины, а не наложницы.

– Нет, нет, ты больше никогда не будешь рабыней, обещаю тебе...

Когда они вернулись в лагерь, где уже пылал костёр и жарилось нанизанное на прутья мясо, Дарджо с подозрением посмотрел на их улыбающиеся довольные лица, но ничего не сказал. Старый хитрец сделал вид, что ничего не замечает и ни о чём не догадывается, но перед сном сдвинул их постели из веток юсса поближе друг к другу, а своё перенёс на другую сторону костра.

– 11 –

На следующий день беглецы продолжили путешествие, и после полудня выехали на опушку леса. Перед ними поднимался каменистый склон с острыми зубчатыми скалами на вершине. Дальше склон обрывался почти отвесной стеной. Дарджо, увидев это препятствие, с досадой хлопнул себя ла-

донью по лбу и воскликнул:

– Силы небесные! Как же я забыл, что Торес находится за Барьером, и попасть в долину можно только через Врата?

– Я помнил об этом, – спокойно ответил принц. – Что тебя так расстроило? Мы тоже проедем через Врата.

– Но они охраняются!

– Солдатами моего дяди.

– А если их подкупили? Или там нас ожидают солдаты не только вашего дяди, но и вашего брата?

– Мы будем сражаться.

– А может, и не будем, – возразила Льяна. – Расскажите мне об этом обрыве. Он, в самом деле, такой неприступный, как кажется?

– Так говорят.

– Далеко он тянется?

– От Рогатой бухты на западе до Северных гор, и отделяет всё западное побережье Латоса. Из-за этого оно покрыто болотами, которые называют Солёными. Только в долине Тореса хорошая плодородная земля, нанесённая разливами двух рек, между которых она расположена. Здесь растёт самый лучший в королевстве рис – главное богатство Тореса, – принц говорил, словно читал лекцию.

– Обрыв везде так высок?

– Где выше, где ниже, но одинаково неприступен.

– А зачем на воротах, ведущих в долину, стоит стража? Кого опасается лорд Брестон?

– Разбойников и конкурентов, – усмехнулся принц. – Торговля зерном – прерогатива лорда Брестона. Все производители обязаны продавать зерно только милорду по установленным им же ценам, а он перепродаёт его на внешних рынках, получая соответствующую прибыль.

– Даже так... – задумчиво протянула девушка. – Тогда, думаю, нам повезло...

– В чём? – удивился Дарджо.

– Никогда не поверю, что в Торесе нет контрабандистов, которые вывозят зерно в обход сторожевых постов лорда Брестона... А если есть контрабандисты, должны быть тропы, по которым они ходят, нужно их лишь внимательно поискать...

Дарджо изумлённо покачал головой, а принц в очередной раз подивился уму и сообразительности бывшей рабыни.

Не теряя времени, они начали поиски тайной тропы контрабандистов, двигаясь вдоль Барьера в сторону Врат. Если бы им не удалось найти иной путь в долину, пришлось бы пробиваться через Врата.

И снова опытный взгляд девушки помог им – только её глаза смогли разглядеть среди хаоса камней еле заметную тропинку. Спешившись и обследовав её на некоторое расстояние, девушка заявила, что пройти по тропе можно, хотя с большим трудом и некоторым риском, так как она шла по крутой осыпи. Для спуска всем придётся спешиться и вести коней под уздцы.

Спуск оказался невероятно труден: под ногами то и дело осыпались мелкие камешки и с шумом катились вниз, захватывая по дороге другие, превращаясь в настоящую каменную реку. Когда позади осталась половина пути, одна из лошадей споткнулась и покатилась вниз, едва не сбив идущих впереди. Докатившись до конца осыпи, она застыла, задрав кверху копыта и вывернув сломанную шею. Конечно, безопаснее было оставить лошадей наверху и спускаться налегке, но от Барьера до побережья, где расположен город, простиралось больше двадцати кемов пути, и преодолеть это расстояние пешком, могло стать не по силам измученным трудным походом беглецам.

К счастью, потеря лошади оказалась единственной, постигшей при спуске, неприятностью. Когда они достигли низа, пришлось сделать привал, чтобы передохнуть и успокоить напряжённые нервы.

Солнце уже садилось в море, когда трое всадников въехали в ворота города и направились к дому лорда Брестона – самому большому и красивому зданию, выходящему парадным фасадом на Площадь Собраний: огромное квадратное пространство, мощённое мозаичным камнем, с великолепным фонтаном в центре. Усталые, измученные, в грязной, запыленной, местами порванной одежде – такими они предстали перед стражей лорда. Их бы ни за что не пустили в дом, если бы не старый начальник охраны, хорошо знавший принца прежде и опознавший его в теперешнем оборванце. Лорд

Брестон, до которого дошли сведения о перевороте, а также смутные слухи о смерти племянника, искренне обрадовался, что слухи оказались ложными, и сын его сестры жив-здоров. Беглеца тут же поместили в великолепные покои, наполнили ванну горячей ароматной водой и накормили превосходным ужином. Не забыли и о верных слугах. Им тоже выделили по уютной комнатке, горячей ванне и сытно накормили.

Вымывшись и переодевшись в чистую одежду, поев тушёного нежного мяса с белым свежим хлебом и рассыпчатым горячим рисом, Льяна с наслаждением забралась в чистую мягкую постель и уснула сном младенца.

*

Жизнь в Торесе началась для девушки с приятных событий. Принц рассказал дяде о роли Лианны в его спасении, о её достоинствах и совершённых подвигах, и, то ли по просьбе Альдрика, то ли по собственной инициативе, лорд Брестон даровал девушке гражданство и звание креаты – самое низшее из аристократических званий Кронского королевства. Он также подарил новоиспечённой креате дом на тихой окраине и приличную сумму денег на содержание. Льяна удивилась и обрадовалась неожиданным и щедрым дарам, и приняла их с искренней благодарностью. Дают – бери, решила она.

Не забыл лорд и Дарджо. Ему также выделили большое вознаграждение и назначили пожизненную пенсию. Но старый верный слуга не захотел воспользоваться заслуженным

отдыхом, а остался на службе у принца.

Как только девушка обосновалась в новом доме – небольшом, но уютном – Альдрик зачастил в гости. Он приезжал вечером и покидал любовное гнёздышко поздно утром. Он не скрывал связь с бывшей рабыней, и, когда по городу поползли слухи, заявил, что Лианна Абора его невеста. Это известие разочаровало многих родовитых и богатых матрон, у которых находились на выданье дочери. Напрасно они радовались появлению в их глуши холостого члена правящей династии, пусть даже опального.

Льяна, мало бывавшая в городе и не вникавшая в ходившие вокруг её имени сплетни, ничего не знала об этом заявлении, а просто любила принца и наслаждалась близостью с ним.

Но тут в безоблачную и счастливую жизнь вкралась тень тревоги – девушка поняла, что беременна. Это известие обрадовало и одновременно испугало её. Она хотела ребёнка, тем более, от любимого человека. Но это будет дитя не только её, но и принца, и не случится ли с ним то же, что случилось с её первенцем? Не заберут ли его у неё?

Льяна, страшась этого больше всего, не призналась возлюбленному о положении.

*

Однажды Льяна пошла на рынок за необходимыми покупками – она всегда сама выполняла эту обязанность, не поручая столь ответственную миссию рабыне, которая вела до-

машнее хозяйство. Не потому, что та глупа или нерасторопна. Просто, это осталось единственным развлечением с тех пор, как она стала госпожой и поселилась в собственном доме. Сидеть в четырёх стенах и ждать прихода возлюбленного – не очень весёлое времяпровождение.

В этот день проходил какой-то местный праздник, и рынок бурлил от наплыва торговцев и покупателей, съехавшихся со всей долины. К тому же, недавно домой вернулись несколько кораблей, побывавших в дальних краях. Часть привезённых товаров торговцы-мореплаватели выставили на продажу.

Накануне вечером принц подарил возлюбленной кошель с тысячью золотыми, и предложил купить на ярмарке какой-нибудь подарок для собственного удовольствия. Льяна так и собиралась сделать. Сначала она, как хорошая хозяйка, купила всё для кухни, за чем, собственно, и шла на рынок. Затем направилась в ремесленные ряды, где располагались лавки ткачей, портных и ювелиров. Она ещё не знала, что купить, но собиралась потратить денежки с наибольшим удовольствием.

Путь проходил мимо площадки, где в загонах мычала, блеяла, ржала и визжала различная скотина, а напротив расположились помосты с "живым товаром" – рабами. Ни то, ни другое Льяне не требовалось, и она спокойно прошла бы мимо, но внимание девушки привлекла огромная толпа мужчин, толкавшихся вокруг одного из помостов. Заинте-

ресованная, она подошла ближе, и увидела на возвышении шестерых странных, закованных в цепи женщин. Необычный вид выдавал их варварское происхождение. Женщины, как одна, высокие, стройные и мускулистые, как мужчины. Смуглые, но скорее от загара, чем по природе. Чёрные блестящие волосы собраны на макушке в тугой узел, а спокойные бесстрастные лица и тёмные, чуть раскосые глаза, приподнятые к вискам, довершали портрет. Одежда тоже казалась довольно странной: узкие рейтузы из тонкой шерсти подчёркивали длину и стройность ног, обутых в короткие крепкие сапожки. Торс с небольшой, едва проглядывавшей грудью, закрывала кожаная короткая туника, едва достигавшая середины бёдер. Обнажённые руки пленниц украшали бронзовые браслеты и различные маленькие изящные татуировки. И руки, и ноги женщин сковывали крепкие цепи, соединённые между собой – так обычно заковывали опасных преступников.

Заинтригованная ещё больше, Льяна протиснулась в первые ряды и прислушалась к голосу зазывалы. Тот расхваливал выставленный товар, говоря, что рабыни с Виола отличаются необычной силой и выносливостью, что они молоды, здоровы и прекрасны телом. Но охочих приобрести столь качественный товар почему-то не находилось. Мужчины смотрели, слушали и делились впечатлениями. Из невольного подслушанных разговоров Льяна поняла, что виолки – строптивые, непокорные и не поддающиеся воспитанию рабыни, ко-

торых можно убить, но не сломить. Знатки говорили, что это племя женщин-воинов с далёкого острова, которые правят на своей родине, держа мужчин в рабстве. Вот мужчина виол послушен, покорен и исполнительен, а женщину нужно держать в цепях и опасаться, так как в любой момент она может взбунтоваться и убить господина. Правда, они уважают силу и могут покориться воину, победившему их в равной схватке, но при этом презирают мужчин и никогда не станут нежными наложницами.

Всё услышанное так заинтриговало Льяну, что она решила купить виолок. Подозвав продавца, спросила:

– Сколько стоят эти рабыни?

– Двести крон каждая, госпожа. Какую девушку вы хотите?

– Я заберу всех за тысячу, – твёрдо произнесла Льяна.

Торговец заколебался. Он видел, что окружающие не проявляют к товару никакого интереса, кроме визуального, но цена, предлагаемая покупателем, была ниже, установленной купцом.

– Если вы подождёте, госпожа, я посоветуюсь с хозяином рабынь. Он сам решит, устраивает его ваша цена или нет.

– Я подожду, согласилась Льяна.

Торговец покинул помост и куда-то исчез на несколько минут. Вернулся он с высоким пожилым капитаном. Тот взглянул на девушку, и, очевидно, узнал в ней «невесту принца». Расплывшись в любезной улыбке, капитан спро-

сил:

– Вам понравились эти рабыни, госпожа?

– Я хочу их купить, – уклонилась от прямого ответа Льяна. – Вы согласны с моей ценой?

– Да, госпожа. Но хочу предупредить, что это очень строптивые рабыни... К ним нужен особый подход.

– Какой же?

– Вы должны доказать им, что вы лучше и сильнее, лишь тогда они подчинятся вам. И ещё... Если вы сумеете покорить их, не забудьте взять с них клятву верности, и тогда более надёжных и преданных слуг вы не найдёте на всём белом свете... Этот совет я даю вам совершенно бесплатно, госпожа.

– Спасибо.

– Я надеюсь, когда-нибудь вы тоже сможете дать мне дельный совет, сударыня...

– Всегда готова, – улыбнулась не понявшая намёка девушка. Она отдала капитану кошелёк с деньгами и попросила, чтобы стражники отвели рабынь к ней домой.

– Конечно, я сейчас же распоряжусь. Всего доброго, сударыня, и благодарю за покупку... Передавайте мои наилучшие пожелания его высочеству.

– Обязательно, – кивнула девушка.

Подхватив корзинку с покупками, она поспешила к выходу. Следом четверо вооружённых стражников конвоировали скованных рабынь, которые из-за цепей двигались медленно

и неуклюже.

Дома Льяна разместила виолок в одной из пустующих комнат, приказав накормить, и послала за кузнецом, чтобы снял с бедолаг лишнее железо.

– 12 –

Прошла пара дней, и Льяна решила, что девушки достаточно отдохнули и смирились с произошедшей с ними переменой. Она приказала вывести их во двор. Они стояли шеренгой – шесть сильных и гордых, несмотря на цепи и железные ошейники, женщин. На лицах всё также не отражалось никаких эмоций. Разные по возрасту, но неуловимо похожие, словно дочери одной матери. Самой старшей за тридцать. На смуглой коже светлели старые шрамы и розовели свежие рубцы. Самой младшей едва исполнилось шестнадцать. Её почти детское личико напомнило Льяне юность и всё произошедшее с ней в то время.

Льяна подготовилась к "разговору" с рабынями: надела короткую плотную кофточку и узкие шаровары. Этот костюм не стеснял движений, в нём удобно сражаться.

Бегство из Латории и все последующие приключения напомнили Льяне, кем она была раньше, и показали, что её воинское искусство может ещё пригодиться. Потому последний месяц, даже, несмотря на беременность, девушка усиленно тренировалась, вспоминая старое и разучивая новые

приёмы. В данное время Льяна находилась в хорошей форме. Но всё же немного беспокоилась по поводу того, что не знает, что представляет собой противник. Никогда прежде она не встречала виолок, не слышала о них, и не знала, что можно ожидать. Могла предположить, что полудикие варварки с богами забытого острова, вряд ли владеют превосходящим воинским искусством. Им негде и не с кем оттачивать своё мастерство, а нечастые междоусобные стычки ограничивали разнообразие приёмов.

Льяна ещё раз окинула взглядом шеренгу, и интуитивно почувствовала, что начать нужно с самой старшей. Скорее всего, она в этой компании самая опытная. Её поражение произведёт впечатление на остальных.

Льяна жестом подозвала виолку и приказала кузнецу снять цепи с рук. Когда они освободились, обратилась к рабыне через толмача:

– Я хочу сразиться с тобой. Если победишь – станешь свободна, если победа будет за мной – принесёшь мне клятву верности. Устраивают тебя такие условия?

Виолка окинула Льяну холодным изучающим взглядом и согласно кивнула. Льяна указала на сложенное кучкой оружие:

– Выбирай.

Как Льяна и предполагала, варварка выбрала короткий бронзовый меч – привычное для себя оружие. Льяна взяла копьё с длинным прочным древком из железного дерева. В

умелых руках оно могло стать грозным оружием, пригодным как для защиты, так и для нападения.

Они вышли на середину двора и стали друг против друга. Виолка стояла в боевой стойке – чуть расставив согнутые ноги и держа меч в стороне лезвием вниз. Её тёмные глаза внимательно следили за противником. Льяна небрежно облокотилась о копьё и казалась расслабленной. На самом деле она слегка напрягла мышцы, готовясь к прыжку. Виолка пружинисто переступила и пошла вокруг девушки, незаметно приближаясь на расстояние удара. Льяна не шевелилась, лишь следила за ней взглядом. Когда виолка, пройдя полукруг, оказалась позади, Льяна слегка переместилась и вновь встала к противнику лицом. И тогда виолка прыгнула вперёд, словно атакующий гиззард. Льяна не ожидала от неё такой стремительности, и спасла её лишь отточенная реакция. В последний миг она отбила лезвие меча и скользнула в сторону, уходя от следующего удара.

После нескольких минут боя, девушка поняла, что недооценивала противника. Да, фехтовала варварка грубо и примитивно, но всё это компенсировалось скоростью и силой ударов. Один раз ей не удалось избежать выпада, и на теле появился длинный кровоточащий порез. В глазах виолки зажёгся дикий зеленоватый огонёк, как в глазах хищника. И Льяна поняла, что, если в ближайшее время не разделается с соперницей, та просто прикончит её недрогнувшей рукой.

Она отступила назад, поставив перед собой копьё и проч-

но уперев его в землю. Глаза её встретились с глазами виолки, и она увидела в них мрачное торжество. Дикарка не сомневалась в победе. Она поднесла к лицу клинок, на котором алела капля Ляниной крови, и слизнула её. Затем взмахнула им с такой силой, что раздался свист, и ступила вперёд. Ляна не шевелилась. Она готовилась к решающей схватке. Девушку постепенно охватывала холодная ярость. Она крепче перехватила древко и, когда виолка бросилась в атаку, оттолкнулась ногами от земли и взлетела в воздух. Меч соперницы просвистел на уровне её талии, но она уже парила над ним, держась руками за копьё. Извернувшись в воздухе, она оттолкнулась от копья, прибавив ускорение, и всем телом обрушилась на противницу. Виолка, не ожидая такого странного манёвра, не успела уклониться. Девушки покапались по земле. По-видимому, виолку оглушило падение, и она на мгновение отключилась. Ляна же, готовая к падению, перекувыркнулась через голову и мгновенно вскочила на ноги. Молниеносно повернувшись, она набросилась на соперницу, едва пришедшую в себя. Ударом ноги она выбила меч из ослабевшей руки, а затем схватила за тунику, рывком приподняла и перебросила через себя, даже не удивившись, откуда у неё взялось столько силы. Видимо, злость и азарт боя удвоили их.

Виолка шлёпнулась на живот, Ляна прыгнула ей на спину, одну руку завела назад, выворачивая в плечевом суставе, и своей правой рукой обхватила соперницу за шею и начала

сдавливать, одновременно отгибая назад и грозясь сломать позвоночник. Когда виолка почти теряла сознание от боли и удушья, Льяна спросила:

– Сдаёшься?

– Ое!.. – прохрипела женщина, что по-виольски означало «да».

Льяна встала и отошла в сторону. К ней тут же подбежала её личная рабыня Суосси и заботливо вытерла сочащуюся из пореза кровь. Рана проходила по правому боку и не представляла опасности – так, глубокая царапина. Льяна прижала к коже тряпку, ожидая, пока виолка поднимется, отряхнётся и приблизится. Став перед Льяной на колени, та глухо произнесла:

– Клянусь именем Богини-Матери и своей честью, верно служить тебе, госпожа, пока твоя воля или смерть не разлучат нас. Моя жизнь – твоя жизнь, мой меч – твой меч!

Льяна выслушала дословный перевод и кивнула, принимая клятву.

– Стань здесь, – указала она место рядом с другими слугами. Затем посмотрела на следующую претендентку – девушку лет двадцати пяти, с серыми холодными глазами и чуть рыжеватыми волосами. По-видимому, её отцом стал какой-нибудь бедолага, волею случая попавший на роковой остров. Она приказала кузнецу снять с неё цепи и кивнула на валяющийся посреди двора меч.

– Возьми его и сразись за свободу на тех же условиях.

Девушка шла по двору лёгкой грациозной походкой. Так ходят сытые домашние кошки, мягко и, словно бы, лениво ступая на бесшумных лапах. Но стоит им увидеть мышь – и они преображаются. Так преобразилась и виолка, едва в её руке оказался меч. Она повернулась к Льяне, и вритландка увидела в её глазах уже знакомый зеленоватый огонёк. Но теперь девушка знала, что ожидать от противника: быстроту и силу. И знала, что та также знает, чего ей ожидать от Льяны. Потому на этот раз она тоже взяла меч и ступила сопернице навстречу. Меч Льяны – из хорошей алмостской стали, легче и длиннее бронзового клинка виолки. Льяна отбросила зрелищность и эффектность, как в первом поединке, а просто показала мастерство. Схватка длилась минут десять, и ни скорость, ни сила виолки не спасли её от ранения и поражения. Проведя серию приёмов, Льяна сначала проткнула сопернице правое плечо, а затем выбила меч из ослабевшей руки. Приставив остриё к горлу, сказала:

– Клятва или смерть.

Виолка опустила на колени и произнесла слова клятвы.

Льяна кивнула и приказала перевязать девушку.

Осмотрев поредевшую шеренгу, выбрала следующую жертву – тоже лет двадцати пяти. Её лицо пересекал старый шрам. Она указала на неё кузнецу, и молча ждала, пока снимут цепи.

– Возьми меч.

Не глядя на госпожу, та прошла на середину двора и по-

добрала оброненный предыдущей сражающейся меч. Опустив его в свободно висящей руке, ждала, пока соперница приблизится. На этот раз в руках Льяны не было никакого оружия, кроме куска цепи. Когда виолка, как обычно, начала стремительную атаку, она просто уклонилась от встречи, скользнула в сторону и нанесла сильный удар цепью. Казалось, от удара треснули рёбра, но виолка даже бровью не пошевелила – эти дикарки умели держать удар и терпеть боль.

После нескольких неудачных выпадов, не достигнув цели, виолка сменила тактику. Она перебросила меч в левую руку и нанесла неожиданный удар. Льяна заблокировала его цепью, мгновенно захлестнула клинок петлёй и вырвала из руки девушки. Оставшись безоружной, виолка не сдалась, а, сжав кулаки, бросилась на Льяну. Вритландка, отбросив цепь, приняла вызов и показала виолке класс раторрской борьбы. Льяна отвела на сопернице душу, и била её, пока та не потеряла сознание. Затем она связала её по рукам и ногам и приказала оттащить в сторону.

Переведя дух, окинула оставшихся рабынь мрачным взглядом и ткнула пальцем в крайнюю – самую младшую из пленниц. Девчонка смотрела на госпожу восторженными блестящими глазами, в которых светилось открытое восхищение. Как только с неё сняли цепи, девушка тут же приблизилась, опустилась на колени и произнесла:

– О, великая серебряноволосая дева! Клянусь именем Богини-Матери и своей честью, верно служить тебе, пока твоя

воля или смерть не разлучат нас. Моя жизнь – твоя жизнь, мой меч – твой меч. О, великая воительница, униженно прошу взять меня в свои ученицы!

– Ты хочешь учиться воинскому искусству? – уточнила Льяна, которую немного удивила неожиданная просьба.

– Я хочу стать похожей на тебя.

– Меня этому учили с детства.

– Меня тоже учили с детства, но, глядя на тебя, я поняла, что так и осталась ребенком. Помогите мне стать зрелым и умелым воином.

– Ладно, попробую, – согласилась Льяна.

Так, неожиданно, она стала наставницей воинственных виолок, потому что оставшиеся две рабыни тоже не стали испытывать судьбу, а сразу принесли клятву верности и попросились в ученицы. Позже их старшие подруги также последовали этому примеру. Даже Нана – девушка со шрамом на лице – самая упрямая и агрессивная из виолок, тоже стала её ученицей, едва ли не самой прилежной.

– 13 –

Долго скрывать беременность от возлюбленного Льяна не могла. Хотя живот рос не очень быстро, и внешне положение никак не проявлялось – ни тошноты, ни слабости – но к пяти месяцам животик так округлился, что это заметил даже Альдрик, и поинтересовался, не ждёт ли она ребёнка?

– А если и так, что с того? – почти грубо ответила девушка.

– Так ты беременна? – нахмурился принц.

– Да.

– Давно?

– Около пяти месяцев.

– Почему не говорила об этом раньше?

– А зачем?

– Как, зачем?! – рассердился принц. – Это мой ребёнок, а я об этом ничего не знаю! Ты ведёшь себя, как девчонка, целыми днями дерёшься со своими дикарками, прыгаешь и стоишь на голове! Разве ты не знаешь, что можешь сбросить плод? Или ты не хочешь это дитя?

Льяна, услышав обвинения Альдрика, даже вскочила от негодования. Серебряные волосы разметались, покрыв смуглое стройное тело густыми прядями, а тёмные глаза гневно сверкали.

– Во-первых, это мой ребёнок! Мой, и ничей больше! И не думай, что ты сможешь забрать его у меня! Я убью каждого, кто тронет малыша без разрешения! Во-вторых, я хочу и желаю этого малютку больше, чем кто бы то ни был. А мои тренировки не мешают ему. Гораздо хуже, если бы я лежала целыми днями, как больная корова!

– Но почему ты не сказала о своём положении раньше? Почему скрывала?

– Я боюсь, что ты заберёшь его, как забрал Слэйд...

– А зачем мне его забирать от матери?

– Потому что ты принц, а я бывшая рабыня, твоя любовница. Разве ты позволишь низкой женщине воспитывать твоего отпрыска?

Принц опустил глаза и о чём-то задумался. Неожиданно он встал и начал одеваться. Уже набросив на плечи плащ, он повернулся и сказал:

– Ты очень плохого мнения о себе... Разве ты не слышала, как кличут тебя в городе? Мои слова о любви – не пустой звук. И чтобы доказать это и успокоить твои глупые страхи, я сделаю тебя принцессой.

Пока Льяна переваривала слова Альдрика, он ушёл, сердито хлопнув дверью. Льяна услышала лишь властный голос во дворе, скрип открываемых ворот и удаляющийся топот копыт.

Набросив на голые плечи покрывало, Льяна подошла к окну. Тёмно-фиолетовое безоблачное небо, как всегда, сверкало мириадами крупных и мелких звёзд, словно россыпью драгоценных камней, сияющих на тёмном бархате. Льяна подняла взор к сверкающему небосводу, и звёздный блеск отразился в наполненных слезами глазах. Девушка редко плакала, но интересное положение сделало её более чувствительной. Как у любой женщины в её положении, у неё легко менялось настроение, и даже сильная радость могла вызвать слёзы. Ссора с любимым расстроила. Она и верила, и боялась поверить последним словам. Наверное, он сказал их, чтобы

успокоить её, усыпить бдительность. Но, что бы ни говорил Альдрик, правду или ложь, а она твёрдо решила: этого ребёнка у неё не отнимут. Если понадобится, она даже решится на побег: уйдёт в горы, в лес, на болота, и никто никогда не найдёт её...

Дверь тихонько скрипнула и Льяна обернулась, втайне надеясь, что это вернулся Альдрик. Но вошла Семар – старшая из рабынь-виолок. За последние месяцы Льяна и Семар очень сдружились, несмотря на разницу в возрасте. Виолка стала для Льяны вроде старшей сестры. Она рассказывала ей о виольской культуре и обычаях, религии и философии. Много в виольской культуре нравилось впитландке, она с удовольствием переняла некоторые обычаи и верования. Виолки считали Льяну чуть ли не богиней, и называли Святой Лианной, искренне веря, что она земное воплощение их Богини-Матери, которой они поклонялись. Но уважение и благоговение не мешало виолкам относиться к госпоже, как к равной, но более умелой и опытной сестре. Виолки, даже не состоящие в кровном родстве, называли друг друга «сестра», и вели себя, как сёстры: ссорились, мирились, даже дрались иногда, но смертельные поединки были запрещены. Убийство сестры виолки считалось смертным грехом, таким же тяжёлым, как и нарушение клятвы верности.

– Я слышала ссору, – сказала Семар. – Он обидел тебя, регина?

Девушки называли Льяну «регина», что с их языка пере-

водилось как «старшая, главная, вождь», а не «госпожа», как должны были обращаться слуги. Но Льяна не возражала. Такое обращение льстило.

Семар говорила с милым акцентом, но вполне понятно. Вообще, все виолки оказались очень способными и легко учились. За два месяца они не только освоили ассветский язык, но изучили все показанные Льяной приёмы раторрской борьбы. Обладая безграничным терпением и трудолюбием, они от рассвета до заката отрабатывали то или иное упражнение, пока не доводили его до совершенства. А, так как они от природы и, благодаря особому воспитанию, были сильнее и быстрее учительницы, то вскоре во многом её превзошли. Но это нисколько не уменьшало их уважения к регине, ведь учитель навсегда остаётся для ученика учителем, даже если тот со временем и превзойдёт наставника.

– Нет.

Льяна вытерла ладонью глаза и отвернулась, стыдясь невольных слёз.

– Ты плачешь... Ни один мужчина не стоит слёз женщины.

– Возможно, ты и права... Но я плачу не из-за него.

– Тогда почему?

– Не знаю, – пожалала плечами Льяна. – В последнее время я стала такой плаксой... Наверное, это из-за маленького, – она нежно прижала к животу руку и ощутила лёгкий толчок в ладонь. – Он брыкается! – счастливо заулыбалась.

– Думаешь, это будет мальчик?

– Не знаю.

– Почему же ты говоришь «он»?

– Я имею в виду, ребёнок, малыш, дитя.

– Понятно... А кого ты сама хочешь?

– Мне всё равно. Буду рада и мальчику, и девочке.

– На Виоле у меня остались трое сыновей. К сожалению,

Богиня-Мать не дала мне ни одной дочери... Раньше я сердилась на неё, а сейчас думаю, что это к лучшему: я не хотела бы, чтобы моя дочь росла сиротой.

Льяна уже знала, что дочери для виолок главнее сыновей. Девочка – наследница и продолжательница рода матери, а сын – досадный довесок. Мальчиков по достижении пятилетнего возраста отдавали отцу, который дальше воспитывал его сам, а дочь оставалась с матерью до совершеннолетия, которое наступало в шестнадцать лет. Потому Семар и не считала оставшихся на Виоле сыновей сиротами – они проживали с отцом в мужском селении.

Семар впервые заговорила о детях. Раньше Льяна и не подозревала, что виолка – трижды мать.

– Тебе не жалко сыновей? – спросила она.

– Почему я должна их жалеть? – искренне удивилась виолка. – Они мужчины и вырастут мужчинами.

– А мне до сих пор жаль отобранного сына...

– У тебя есть сын?

– Да... В шестнадцать лет я родила мальчика, но его отец

забрал малыша прямо от моего лона... Я чуть с ума не сошла! Его воспитывает чужая женщина, которую он, возможно, называет мамой... Когда я думаю об этом, то готова убить!

– Не стоит так расстраиваться из-за мальчишки... Вот если бы это была дочь – тогда можно и нужно было бы свернуть наглецу шею. А сын и так принадлежит ему. Плохо, конечно, что он не знает родительницы, но на это, вероятно, была воля Богини-Матери. Если она захочет, то вернёт тебе сына, а если будет её воля, подарит сейчас дочь.

– Да... Девочка, это хорошо, – мечтательно произнесла Льяна.

– Если хочешь, я принесу жертву и попрошу Богиню-Мать, чтобы она послала тебе дочь.

– Если тебе не трудно, Семар... И если у меня родится дочь, я тоже принесу Богине жертву.

*

Несколько дней Альдрик не появлялся в домике на окраине, и от него не приходило никаких известий. Льяна терялась в догадках и сердилась, но не хотела унижаться и посылать гонца в дом лорда Брестона, чтобы узнать что-нибудь о возлюбленном. Она продолжала тренировки с виолками, и вообще, вела себя так, словно ничего не случилось: ходила на рынок, управляла домом и учила виолок приёмам раторрской борьбы. Она постоянно повторяла ученицам, что учиться никогда не поздно и не стыдно, и, если они узнают

или увидят что-то новое, то пусть научатся этому.

Однажды на рынке Льяна увидела, как стражники поймали вора-карманника. Худенький тщедушный юноша успешно отбивался от стражей какой-то штуковиной, зажатой в руке, разбив нескольким воинам головы, и только наброшенная на драчуна сеть смогла его остановить.

Льяна подкупила сопровождавших воришку в тюрьму стражников и забрала его себе. Пообещав отпустить на все четыре стороны, она уговорила его научить и её так же драться. Воришка с удовольствием поделился со странной госпожой знаниями, рассказав о бате – деревянной колотушке для колки орехов, и показал несколько эффективных приёмов. Он также научил женщину управляться с шёлковым шнурком-удавкой, и не подозревая, что это нехитрое и неприметное оружие станет обязательным атрибутом будущей касты виолок-телохранителей, их фирменной фишкой, таким же обязательным и значащим, как меч и нож; и ни одна истинная виолка не выйдет из дома, не прицепив к поясу ножны и шнурок.

*

Наконец, после почти шестидневного молчания, Альдрик напомнил о себе. К дому Льяны прибыли роскошные носилки, и сопровождающий их слуга передал девушке небольшой сундук и запечатанный свиток, с личным оттиском принца Альдрика. Льяна с любопытством развернула письмо и прочла, что принц просит её надеть присланные одежды и при-

быть в храм Небесных Покровителей. Уже догадываясь, но, ещё не веря окончательно, Льяна приказала виолкам переодеться в парадную одежду, взять оружие и сопровождать её к храму. Затем, выполняя просьбу принца, переделалась в роскошное платье, лежавшее в сундуке, и надела подаренные украшения. Волосы она спрятала под жемчужной шапочкой и подвела чёрной краской глаза. Прекрасная и сияющая, она взошла на носилки, восемь мускулистых рабов подняли их и быстрым шагом понесли по улице. Редкие прохожие оглядывались вслед процессии, но их удивляла не столько госпожа, восседающая на носилках, сколько девушки-рабыни, вооружённые мечами, как воины. Они шли вслед за носилками, одинаковые и бесстрастные, как статуи, поддерживающие крышу храма.

Возле культового сооружения собралась небольшая толпа, в основном, местные вельможи и зажиточные горожане. Все с любопытством смотрели на девушку и её кортеж. На ступенях Льяну встретил один из младших жрецов и проводил внутрь, приказав виолкам оставаться снаружи. Они, конечно же, не послушались, потому что выполняли только приказы госпожи, но Льяна знаком велела им остаться.

Возле алтаря Льяну ожидал принц Альдрик, а в стороне стояли свидетели: лорд Брестон, его старший сын и несколько самых богатых и уважаемых вельмож. Жрец подвел девушку к алтарю и вложил её руку в руку жениха. Главный жрец, обращаясь к присутствующим, произнёс речь, восхва-

ляя достоинства жениха и невесты, затем вознёс хвалу богам, а потом попросил богиню любви и семьи Дариту особого покровительства вступающим в брак. Затем он попросил жениха и невесту произнести брачные клятвы. Альдрик, глядя на Льяну, сказал:

– Я, Альдрик Латорийский из рода Вогезов, беру в жёны эту женщину, и клянусь перед богами и свидетелями, почитать и любить её до конца своих дней, не иметь других жён, кроме неё, и родить детей только от этой женщины.

Клятва принца вызвала у присутствующих лёгкое недоумение, но каждый волен говорить то, что пожелает, главное, чтобы потом обещания были выполнены. А если, случайно или намеренно, кто-либо из супругов забудет клятвенные слова, его вторая половина может напомнить о них, показав свиток, в котором в точности записаны все обещания. Для этого в углу сидел специальный писец, лихорадочно строчащий на листке пергамента.

Когда подошла очередь девушки произносить брачную клятву, Льяна посмотрела в глаза Альдрика и произнесла:

– Я, Лианна Абора, дочь Золана Абора из Вритландии, беру в мужья этого мужчину, и клянусь любить и почитать его, как своего мужа и отца наших детей; клянусь заботиться и защищать его от врагов, обещаю не иметь других мужчин, кроме него, пока смерть или воля богов не разлучат нас...

Клятва невесты вызвала ещё большее удивление, но эта пара и так уже казалась довольно странной, поэтому свиде-

тели лишь вежливо и сдержанно улыбнулись. Принц тоже улыбнулся и поцеловал любимую, скрепляя поцелуем брачный союз.

Главный жрец вновь вознёс богам благодарственную молитву, принёс жертву богине Дарите и объявил их законными супругами. После чего жених и невеста подписали свои брачные клятвы, а свидетели засвидетельствовали их подписи.

Альдрик и Льяна вышли из храма, где их ожидала толпа любопытных, разразившаяся приветственными криками. По знаку принца слуги бросили в толпу несколько горстей серебра, а Льяна швырнула шелковый пояс, повязанный на талии и символизировавший девичье целомудрие. По примете, та девушка, которой достанется пояс, тоже вскоре выйдет замуж, поэтому пояс вызвал толчею и даже небольшую потасовку: в него вцепились сразу три девицы.

Альдрик подхватил супругу на руки и понёс к носилкам. По обычаям Крона супруга не должна касаться ногами земли, пока не окажется в доме супруга. Первый свой шаг в качестве замужней женщины она должна сделать из дома мужа, тогда, по поверьям, их жизнь пройдёт счастливо и благополучно.

Посадив жену в носилки, принц сел рядом, и рабы понесли их не к дому Льяны и не к дому лорда Брестона, а в совершенно ином направлении. Оказывается, дядя выделил Альдрику в вечное пользование один из прибыльных домов, ко-

торые он строил за свои средства и сдавал в аренду.

– 14 –

Новый дом Альдрика оказался намного больше того, в котором жила Льяна, и располагался недалеко от порта. Из окон открывался чудесный вид на залив и бороздившие голубую морскую поверхность корабли, плывущие в Торес и покидающие порт. При доме находился большой двор со всеми необходимыми хозяйственными постройками и небольшим садиком, в котором Льяна проводила последние месяцы беременности. Своих верных виолок она поселила в складе, переоборудовав его под казарму. Она продолжала тесно общаться с девушками, ставшими её лучшими подругами, хотя те всё так же считали её наставницей и госпожой.

Под влиянием философии и верований виолок, мировоззрение Льяны значительно изменилось. Поменялись многие взгляды на жизнь и отношения мужчин и женщин. Невольно подражая ученицам, Льяна тоже стала выдержанней, спокойней, хладнокровней и жёстче. Она пересмотрела и переосмыслила отношения с Альдриком, и её доселе интуитивная эмоциональная влюблённость переросла в более зрелое осмысленное чувство. Она уже не смотрела на принца глазами влюблённой девочки, а видела все его достоинства и недостатки, и любила, если можно так сказать, по желанию, осознанно и осмысленно.

Но и виолки, под влиянием Лианны, тоже понемногу менялись. Из почти бесполох мужеподобных существ они постепенно превращались в женщин – сильных, самоуверенных, жёстких и жестоких, воинственных и беспощадных, но всё-таки женщин. Они уделяли больше внимания внешнему виду, смотрели на мужчин не только, как на самцов для продолжения рода, но воспринимали как существ, которые могут доставить моральное и физическое удовольствие, с которыми можно не только драться, не только презирать, как низших существ, но и общаться на равных, даже флиртовать. Льяна баловала рабынь, покупала им красивую одежду и украшения, позволяла многие вольности, о которых не смели мечтать другие слуги, чем часто вызывала неудовольствие принца. Но Альдрик, как человек благоразумный, не вмешивался в дела супруги, отчасти считая это временной блажью, отчасти, не желая лишний раз расстраивать беременную женщину. К тому же он видел, как девушки преданы Лианне, и понимал, что лучших служанок и защитниц дома вряд ли найти. А защита, возможно, скоро понадобится и ей, и ему, а особенно, их будущему малышу. Слухи о женитьбе опального принца и беременности его супруги дошли до Латории, и братец-узурпатор забеспокоился. Его положение на троне Латоса было шатким: многие вельможи выражали недовольство правлением, и Кайот опасался, что его могут свергнуть и вернуть законного правителя, особенно, если у того появится наследник. Потому Кайот послал в То-

рес целую армию шпионов, с приказом убить Альдрика, его супругу и отпрыска, когда тот появится.

Альдрик узнал о тайных планах брата, когда на него было совершено два неудачных покушения. Во втором случае убийцу удалось схватить и допросить. Альдрик не хотел ничего говорить Лианне, которой до родов оставались считанные дни, но, помыслив разумно, решил предупредить Семар. Та выслушала хозяина внимательно и ответила:

– Господин может ни о чём не беспокоиться, мы позаботимся о госпоже. Ни один враг не пройдёт сквозь нашу охрану. И госпожа, и ребёнок, будут в безопасности.

– Я рад это слышать, Семар, и полагаюсь на тебя, как на самого себя.

– Но вам тоже не мешает охрана. Возьмите в телохранители одну из нас.

– С удовольствием. Но не буду ли я смешно выглядеть под охраной женщины?

– А чего вы боитесь больше: глупых насмешек или оставить госпожу вдовой? Подумайте и о малыше, который может лишиться отца, едва появившись на свет.

Альдрик подумал... и согласно кивнул.

– Я пришлю к вам Нолу. Никуда без неё не выходите. Она станет вашей тенью, куда бы вы ни шли.

Ни Альдрик, ни Семар, еще не знали и не догадывались, что только что произошло знаменательное историческое событие, положившее начало профессиональному призванию

виолок: отныне из воинственных варварок они превратились в защитниц-телохранителей, что в будущем станет их основным ремеслом на многие столетия вперёд.

*

Льяна разродилась в положенный срок чудесной золотоволосой и синеглазой девочкой, здоровой и крепкой. Роды прошли легко, и мать смогла встать с постели на следующий день. Хотя дочь не имела почти ни одной её черты, а оказалась уменьшенной копией отца, но Льяна испытывала неимоверное счастье. Она полюбила малышку с первого взгляда и навсегда. Она не доверила дочь ни няньке, ни кормилице, а вскармливала малютку своим молоком, сама пеленала и купала. Она не спускала её с рук, не могла налюбоваться золотыми кудряшками и круглыми пуговками тёмно-синих глаз. По традиции, имя дочери давал отец, а сына называла мать, но Альдрик, по просьбе Лианны, назвал девочку Сантор, что по-ассветски означало «солнечный блик». Девочка, и правда, походила на отблеск солнечных лучей на блестящей поверхности – яркая, светлая, подвижная и беспокойная.

*

Когда малышке исполнился месяц, произошло то, чего Альдрик опасался больше всего: в их дом проник один из убийц Кайота.

Льяна находилась в саду, гуляя с дочерью на свежем воздухе. Злоумышленник незаметно перелез через стену и,

укрываясь в густом кустарнике, подобрался к молодой матери и ребёнку. Рядом с Льяной находилась одна из виолок, но обе были увлечены разговором, и не заметили угрозы. Но когда убийца с ножом стремительно выскочил из зарослей, обе среагировали мгновенно: Льяна закрыла телом ребёнка, а виолка, словно табис, бросилась на врага, не успев даже обнажить оружие.

Негодяй подобрался слишком близко, и невозможно было избежать рокового удара. Прикрывая дочь, Льяна пыталась увернуться, но нож всё же скользнул по плечу и руке женщины, нанеся кровавую рану, к счастью, неглубокую. Второго удара убийца сделать не успел: виолка вцепилась в него, словно хищник в жертву, сбила с ног, обезоружила и связала шнурком, висевшим на поясе. Всё это произошло в считанные минуты. Льяна, как только завязалась драка, схватила Сантор и бросилась в дом.

Когда слуги увидели окровавленную госпожу, поднялся переполох. Одни виолки окружили женщину и отвели в личные комнаты, другие бросились наружу на помощь подруге. Но та уже справилась сама. Девушки тщательно обыскали весь сад и двор, не пропустив ни пяди: не прячется ли где-нибудь ещё один лиходеёв? Затем отвели пленного на конюшню, привязали к коновязи и поставили охрану, чтобы он не сумел убежать.

В это время Семар, перевязывая рану госпожи, рассказала женщине о происках правителя Латоса. Услышав эту но-

вость, Льяна впала в ярость.

– Почему мне не рассказали об этом раньше?! – закричала она. – Этот негодяй мог убить мою девочку!

– Тебя постоянно охраняли. И твоего супруга тоже. Вы все находитесь под нашей охраной, и мы умрём, но не допустим вашей гибели от рук убийц.

– Я не могу всё время жить под охраной! Да и не хочу. Я не могу рисковать жизнью дочери. Этот мерзкий Кайот выдумает ещё что-нибудь, но не успокоится, пока не сживёт нас всех со света!

– Тебе придётся смириться, регина, потому что другого выхода нет, разве только уехать из этих мест. Но куда? На этом острове он правитель. Его рука достанет вас в любом уголке Латоса.

– Да, ты права, – вынуждена была согласиться Льяна и глубоко задумалась. Она не хотела мириться с положением вещей и искала выход из сложившейся ситуации. Льяна относилась к тем людям, у которых критическая ситуация вызывает не панику и растерянность, а мобилизует силу, разум и все способности на решение и преодоление проблемы. Эту способность она не раз подтверждала предыдущими поступками.

Но, сколько она ни думала в этот раз, выход оставался один: покинуть Торес, Латос и даже королевство, и эмигрировать в другую страну, где Кайот не сможет их найти и побеспокоить. Только так они смогут сохранить свои жизни,

семью и детей, нынешних и нерождённых.

Когда Альдрик вернулся домой, Льяна рассказала о случившемся и поставила супруга перед фактом принятого ею решения.

– Покинуть Латос? – даже слегка растерялся принц. – Снова бежать? Но куда?

– Куда угодно, только подальше от твоего брата. В любое место, где не достанет нас Кайот. Я не желаю больше рисковать жизнью дочери и нашими тоже. Если тебе дорога родина, можешь оставаться, а я сяду на любой торговый корабль и уплыву прочь, забрав Сантор... – твёрдо произнесла Льяна.

– Ладно, успокойся, не торопись. Я обдумаю твоё предложение и посоветуюсь с дядей. У нас всё равно мало денег на дорогу, так что без его помощи не обойтись.

– Я подожду... Но не долго.

К изумлению Альдрика, сообщение племянника о желании покинуть Торес, обрадовало лорда Брестона. Когда принц спросил его о причине довольства, лорд неохотно сознался, что Кайот всячески давит на него, требуя выдачи или изгнания Альдрика из своих земель. Но добрый дядюшка противился требованиям, верный памяти сестры и уважая родственные чувства, чем вызывал гнев узурпатора. Потому решение принца добровольно покинуть Латос вызвало его радость. Он пообещал племяннику всяческую помощь, сказав, что подарит один из своих кораблей, который доставит его семью и домочадцев, куда он пожелает. Он пообещал

также безвозмездную ссуду, чтобы им было на что жить первое время, а также всё, что потребуется для переезда.

Разговор с дядей огорчил Альдрика даже больше, чем разговор с Льяной. Мужчина понял, что волей-неволей ему придётся покинуть родину, возможно, навсегда. Но не только это стало причиной удручённого состояния. После кораблекрушения, забравшего жизни его первой супруги и не родившегося ребёнка, Альдрик ненавидел и боялся моря, и не желал отплывать на корабле не то, что куда-то далеко, но даже на соседний остров. Но он понимал, что выхода у него нет, а потому, скрепя сердце, начал готовиться к отплытию.

– 15 –

Подготовка к бегству (а это было именно бегство, тайное и поспешное) велась скрытно для окружающих. Лорд выделил и обеспечил для дальней дороги один из кораблей, загрузив его товаром для отвода глаз. На корабле оборудовали несколько кают. Никто, даже капитан, не знал, куда и когда отплывает корабль, и кто пассажиры.

Запечатанные сундуки с вещами Альдрика и Льяны, виолок и Дарджо, не пожелавшего оставить господина, отправили на корабль поздно вечером, а через пару часов, когда совсем стемнело, переехали и они сами. Поднявшись на борт, Альдрик вручил капитану свиток с печатью лорда Брестона, в котором говорилось, что корабль с командой и капитаном

поступают в распоряжение принца Альдрика. Он приказал немедленно отдать швартовы и покинуть порт.

– Ночью мы не выйдем из бухты, – попытался возразить капитан. – Дождёмся хотя бы рассвета – осталось несколько часов.

– Можете лечь в дрейф до рассвета, но я не хочу оставаться у причала по особым причинам.

Капитану пришлось подчиниться. Он велел отдать швартовы и отчаливать. Направив нос судна к выходу из бухты, он лёг в дрейф. Когда на востоке зажглась утренняя заря, рассеяв мрак и отделив небо от морской глади, корабль поднял паруса, ловя слабый утренний ветерок, и медленно поплыл в открытое море.

Едва корабль покинул спокойные воды бухты и закачался на пологой морской волне, капитан разбудил принца и спросил, куда идти дальше.

Альдрик и Льяна давно решили этот вопрос, правда, после долгих и бурных споров. В конце концов, воля и настойчивость девушки победили, и они выбрали северо-восток. Где-то там находился Виол, где Льяна мечтала побывать и, если получится, набрать ещё девушек для охраны. А затем, среди множества необитаемых и малонаселённых островов, выбрать один и поселиться на нём, подальше от суеты и врагов, как внешних, так и внутренних. Льяне, как и Альдрику, надоели дворцовые интриги, и она мечтала о спокойной тихой жизни на лоне природы.

Обогнув Латос с севера, корабль взял курс на восток, начав долгое путешествие в никуда. Боги благоволили к беглецам, и всё время их многодневного путешествия стояла чудесная солнечная погода и дули умеренные ветра.

Единственное неожиданное приключение ждало их на второй день путешествия. Но оно стало знаком судьбы, встречей, устроенной богами, кардинально изменившей последующую жизнь и судьбу всех, находившихся на корабле.

*

Близился тихий полдень, и Льяна прогуливалась с малышкой по палубе, как вдруг сторожевой матрос доложил о большом корабле, приближавшемся с юга. Капитан посмотрел в зрительную трубку и увидел флаг с гербом Крона. Встречный корабль, однако, вёл себя странно. На полных парусах он летел к судну, словно хотел его протаранить. «Адорис» – небольшой и не самый быстроходный корабль. Он не смог бы уйти от преследователя в случае погони. Но капитан не видел причины к бегству, хотя пассажиры проявили явное беспокойство.

Встревоженный Альдрик сообщил Льяне о странном поведении приближающегося корабля, высказав опасение, что Кайот, узнав о бегстве, выслал погоню.

Льяна, разделяя мнение супруга, вооружила виолок и приказала капитану подготовить людей к битве.

Капитан удивился. Но он привык беспрекословно подчиняться приказам, и не стал перечить и в этот раз. Когда чу-

жак приблизился на расстояние, с которого можно рассмотреть людей на палубе и капитана на мостике, «Адорис» приготовился к сопротивлению.

Подошедший корабль поднял вымпел, требуя остановиться. Альдрик приказал не подчиняться требованию. Чужак некоторое время шёл рядом, а затем пошёл на сближение. Когда между кораблями осталось ничтожно малое расстояние, с борта на борт полетели абордажные крючья.

Передав малышку на попечение служанки, Льяна переделась и вооружилась, решив защищать жизнь и свою семью до конца. Альдрик, полный решимости, стал рядом с супругой.

Когда на палубу «Адориса» спрыгнули первые матросы-захватчики, их вид вызвал недоумение: они мало походили на опрятных и дисциплинированных кронских моряков, а напоминали шайку разношерстных бродяг.

Завязался бой. Виолки Льяны, рассредоточенные по всему кораблю, наносили захватчикам ощутимый урон.

Видя, что первая атака захлебнулась, на палубу хлынула вторая волна во главе с капитаном. Лишь только взглянув на лицо предводителя, Льяна всё поняла и облегчённо рассмеялась. Это не погоня, посланная Кайотом, это обыкновенные корсары! Она узнала капитана: им оказался Эльвин Кори, старый приятель, с которым её захватили в плен много лет назад. По-видимому, ему удалось освободиться, собрать шайку таких же беглых рабов, захватить кронский корабль

и заняться старым делом.

– Прекратите бой! – громко крикнула Льяна, и, когда шум на палубе немного утих, ступила вперёд и продолжала. – Эльвин Кори, подойди ко мне!

Эльвин вздрогнул от знакомого голоса и минуту пристально всматривался в лицо женщины. Отодвинув в сторону стоявшего перед ним корсара, приблизился и неуверенно спросил:

– Льяна? Это ты, малышка?

– Я, Эльвин, – кивнула женщина.

– Святые Небеса! Ты сильно изменилась... – он поднял руку и осторожно провёл по серебристым волосам подруги. Затем взял за плечи и заключил в крепкие объятия. – Ты снова оправдала своё имя, девочка. Вот уж кого я не ожидал увидеть, так это тебя.

Льяна высвободилась из объятий товарища и сказала:

– Скажи своим, чтобы возвращались на корабль, и идём со мной. Нам есть о чём поговорить.

– Надеюсь, это не ловушка?

Льяна с упрёком посмотрела на капитана.

– Ты стал слишком подозрительным.

– Такова жизнь, – философски ответил Эльвин.

Он подозвал одного из своих людей и приказал всем возвращаться на корабль – бой отменяется. Тот что-то проворчал в ответ, но не посмел послушаться.

– Ресс с тобой? – Вспомнила Льяна весёлого рулевого.

Эльвин усмехнулся.

– Ты помнишь Ресса?

– Я помню всех, – сухо ответила женщина, уловив в голосе

Эльвина насмешку.

– Ресс погиб, – коротко ответил Кори.

К ним приблизился Альдрик и окинул корсара настороженным взглядом.

– Я так понял, Лианна, что ты встретила старого друга...

Познакомишь нас?

– Помнишь, я рассказывала об Эльвине Кори, корсаре? Знакомся, это он и есть, мой старый добрый друг – капитан Кори. А это мой супруг – принц Альдрик из Латории.

– Лианна? Да ещё принцесса? – усмехнулся Эльвин. – Я вижу, с того злополучного дня, когда демоны подбили меня напасть на кронский корабль, ты не только имя сменила, но и сделала неплохую карьеру. По-видимому, ты умеешь не только хорошо драться, если сумела очаровать аристократа такого ранга, – язвительно заметил Кори.

– Ты ничего не знаешь о моей жизни, поэтому оставь свои мысли при себе, – холодно ответила Льяна. – Не думай, что я только валялась на мягких перинах... Я многое познала и многому научилась с тех пор. Теперь я не та глупая наивная девчонка; думаю, даже в драке я побью тебя... Поэтому сейчас мы говорим на равных. В память нашей былой дружбе – закрой рот и выслушай меня. А затем я послушаю тебя, если тебе будет, что сказать.

Эльвин посмотрел на подругу с некоторым удивлением и молча кивнул. Он видел, что девушка, в самом деле, сильно изменилась не только внешне. Теперь перед ним стояла не простушка и гордячка из варварских краёв, а зрелая властная женщина, от которой исходили уверенность и даже некоторая угроза. Он понял, что с этой новой Льяной-Лианной лучше не шутить, а подчиниться и выслушать всё, что она хочет ему сказать.

Принц, Кори и Льяна прошли в капитанскую каюту, и расселись за круглым столом, стоявшем посредине. Альдрик хранил молчание, отдав инициативу супруге. Тем более, он не понимал, что она задумала.

Льяна не стала тянуть кошку за хвост, и кратко пересказала Эльвину историю своей жизни. Закончила словами:

– Я рада, что боги вновь свели нас вместе. Когда-то мы неплохо ладили, и сейчас я предлагаю тебе присоединиться к нам. Хватит бесцельно бороздить воды в поисках сомнительной добычи, словно дикий зверь, ежеминутно рискуя жизнью и свободой. Разве плен и рабство не послужили тебе уроком?

– Что ты можешь предложить взамен? Я моряк и корсар, это моё ремесло.

– Мы ищем место, где сможем осесть, и я предлагаю тебе должность адмирала в нашем будущем королевстве. Я знаю и ценю твой опыт и знания, и, думаю, они нам ещё пригодятся. Ты будешь плавать, как прежде, но теперь сможешь

не только грабить, но и торговать. У тебя появится свой дом, надёжный тыл, куда ты всегда сможешь вернуться, где будет ждать тебя семья, спокойно жить сестра, и где будут храниться твои богатства. Разве ты никогда не мечтал о собственном доме? И разве имеют дом пираты?

Льяна умолкла и выжидающе посмотрела на Эльвина. Мужчина сидел, задумчиво склонив голову и постукивая по столешнице пальцами. Льяна не торопила с ответом, понимая, что её предложение слишком серьезное, чтобы решиться на него в один миг. За столом царил тишина, но она не казалась гнетущей. Альдрик откинулся на спинку стула, сложив руки на груди, и казался погружённым в собственные мысли.

Льяна, зная Эльвина с прежних времён, по выражению его лица поняла, что он что-то решил, но ещё колеблется. Протянув руку, накрыла маленькой узкой ладошкой широкую и сильную кисть, и сказала:

– До сих пор ты брал лишь небольшие торговые корабли, довольствуясь жалкими сундуками, набитыми всяким хламом. Неужели ты не хочешь взять целый остров со всеми его богатствами и людьми? Стать правителем и вельможей, пусть небольшого, но государства?

Эльвин мягко высвободил руку и хлопнул ладонью по столу. Посмотрев в глаза подруге, ответил:

– Хочу.

Альдрик покосился на супругу, но не проронил ни звука.

– И ты предлагаешь мне роль помощника и будущего адмирала? – продолжал Эльвин.

– Да.

– Назови причину, почему я не могу сделать это один, без твоей помощи и руководства?

– У тебя нет таких людей, как у меня. И ты не умеешь править. А он умеет, – Льяна кивнула на Альдрика. – Его готовили в правители с детства. Он правитель по рождению и воспитанию, как ты моряк, а мои виолки – воины. У каждого в этой жизни есть своё предназначение.

– Какова же твоя роль? – усмехнулся капитан.

– Я выдвигаю неплохие идеи, – тоже с улыбкой ответила принцесса.

Эльвин посмотрел на молчаливого принца и встал.

– Я должен подумать.

– Думай, время есть. Но слишком не затягивай. Я могу обойтись и без тебя – у меня есть и корабль, и люди. Но я помню добро, и с тобой мне будет легче.

– Я дам ответ до вечера.

Эльвин повернулся и вышел. Когда они остались одни, Альдрик заговорил. Голос его звучал холодно и отчуждённо.

– Я вижу, ты всё придумала и решила без меня. Ты даже отвела мне определённую почётную роль в своём грандиозном плане.

– Чем ты недоволен, дорогой? – спокойно спросила женщина.

– Насколько я помню, совсем недавно у нас были другие планы.

– Неужели? – притворно удивилась Льяна. – Разве мы не собирались найти остров и поселиться на нём, вдали от наших врагов?

– Так и было.

– Что же я изменила в нём?

– Речь не шла о королевстве и насильственном захвате острова.

– Это лишь небольшие дополнения к нашему основному плану. Они пришли мне в голову недавно, я просто не успела поделиться с тобой мыслями... Разве ты хочешь поселиться на каком-то богом забытом клочке суши и стать свинопасом? Сажать овощи, сеять зерно, пасти скот? Ты, потомок правителей из древнего благородного рода, будешь доить коз и стричь овец? Да твой отец в гробу перевернётся от такого кощунства! Сумеешь ли ты соткать полотно и сшить рубашку? За тебя всё делали рабы и слуги, которых сейчас нет. Значит, нужно завести новых. Ты рождён правителем, а не пастухом, мой повелитель, и ты должен умереть королём, а не свинопасом. Я просто не допущу этого. Ты помнишь слова моей брачной клятвы? Я поклялась заботиться о тебе, и я сдержу своё слово.

Логика супруги казалась безупречной, как всегда, а слова звучали разумно и убедительно, и Альдрик, в который раз, согласился. Он только посмотрел на любимую долгим взгля-

дом и произнёс:

– Ты не перестаёшь удивлять меня, милая, но, надеюсь, ты знаешь, что делаешь...

– 16 –

После недолгих поисков, капитан «Адориса» отыскал остров Виол, на котором побывал только раз. Они вошли в небольшую бухточку и стали на якорь вблизи берега.

Прибытие чужаков не осталось незамеченным, и вскоре на берегу собралась внушительная толпа воинственно настроенных женщин. На воду спустили шлюпки, в которые сели Льяна, Семар и еще две приближённые виолки. Оделись они соответственно случаю, а их вооружение, по-видимому, вызвало у аборигенок тайную зависть.

Ступив на берег, три виолки опустились на колени и поцеловали песок. Затем вознесли краткую благодарственную молитву Богине-Матери. Лишь после этого они повернулись к толпе настороженно взиравших на них аборигенок. Льяна, как её научила Семар, сделала приветственный жест и сложила руки в знаке мира. Затем ступила несколько шагов вперёд, вынула меч и с силой воткнула в землю. Отступив шаг назад, молча ждала, пока от толпы отделилась высокая мускулистая женщина и приблизилась на расстояние, позволяющее спокойно разговаривать, но исключаящее внезапное нападение. Она тоже воткнула меч в землю и отступила на

шаг. По правилам, разговор начинала Льяна, как просительница.

За время общения с виолками, Льяна не только изучила их обычаи и верования, но также выучила язык. И хотя говорила она с акцентом, аборигенка понимала её.

– Я чужеземка и приплыла издалека на больших кораблях. В своей стране я слышала о великих женщинах-воительницах и встретила нескольких ваших сестёр. Я победила их в равной схватке, и теперь они служат мне. Я их госпожа и наставница. Но мне нужны еще воины, так как я замыслила большой военный поход. Я пришла на вашу землю, чтобы нанять на службу тех, кто пожелает подчиниться моей воле и принести клятву верности. Они могут прийти ко мне добровольно или я вызову их на поединок и покорю силой. Да будет с вами благословение Богини-Матери!

Льяна умолкла и сложила руки на груди, показывая, что разговор окончен.

Варварка выслушала чужеземку, смерила холодным взглядом тёмно-карих глаз и ответила:

– Наверное, ты очень сильна, если смеешь говорить так дерзко! Я передам твои слова сёстрам и принесу их ответ.

Льяна опустилась на песок, показывая, что готова ждать.

Варварка вернулась к толпе соплеменниц и передала слова чужеземки. Среди виолок поднялся галдёж, словно ссорились торговки в базарный день. Постепенно все успокоились, наверное, достигнув определённого согласия. Наконец,

они что-то решили, и варварка, ведущая переговоры, вновь приблизилась. Она воткнула в землю меч и сказала:

– Мы хотим поговорить с твоими слугами без твоих ушей.

Льяна подала знак рабыням приблизиться и сказала:

– Они хотят говорить с вами без меня. Это по правилам?

– Они хотят знать о тебе больше. Твоя воля, разрешать или нет.

– Надеюсь, вы не станете меня хаять... Ладно, идите.

Виолки ушли с аборигенкой, а Льяна вновь уселась на песок. Женщины окружили подошедших девушек, с любопытством разглядывали и трогали одежду и оружие. Они задали им десятки вопросов, на которые те откровенно отвечали. Их беседа длилась довольно долго, после чего девушек отпустили, а между женщинами снова возник жаркий спор. По-видимому, мнения разделились. Молодёжь прельстилась на предложение чужеземки, а более зрелые и осторожные матроны противились этому.

Прошло около часа, когда от толпы отделилась фигура переговорщицы и неохотно приблизилась. Льяна встала, а виолка с силой, выдававшей скрытую ярость, воткнула в землю меч и сказала:

– Старейшины решили отпустить с тобой тех сестёр, которые пожелают служить тебе, но с условием, что твои корабли сразу же покинут наши берега и никогда не вернуться.

– Пусть будет так, – согласилась Льяна.

Виолка выдернула меч и ушла, не оглядываясь. Часть жен-

щин присоединилась к ней, и они скрылись в лесу. На берегу осталось немалое количество аборигенок, которые ещё колебались, не зная, кому идти первой. Наконец, нашлась самая смелая, приблизившаяся к Льяне. Девушка лет восемнадцать, рослая и крепкая. Воткнув меч в землю, она сказала:

– Я хочу служить тебе, чужеземка.

– Я возьму тебя, но ты должна дать мне клятву верности.

Такие условия не очень понравились девушке, но отступить стало поздно. Подружки могли подумать, что она струсила в последний момент.

– Не бойся, девушка, если у тебя появится серьезная причина покинуть меня, я верну тебе клятву.

Слова чужеземки приободрили виолку, она выдернула меч, бросила его к ногам женщины, опустилась на колени и произнесла традиционные слова. Приняв клятву, Льяна сказала:

– Иди к своим друзьям и скажи им, что тех, которые принесут мне клятву, я сделаю такими умелыми воинами, какие и не снились их предкам.

Новообращённая поспешила к друзьям и передала им слова регины. Несколько человек тут же ушли в лес, не решившись поменять свободу на карьерный рост. Но оставшиеся, одна за другой, произнесли клятву. Набралось тридцать два человека – молодые здоровые девушки от шестнадцати до двадцати лет. Довольно внушительный отряд. А если ещё подучить – получится грозная сила.

Прежде, чем вернуться на корабль, Льяна сказала новым подчинённым:

– Отныне вы мои слуги и ученицы. Вы добровольно дали клятву верности и отныне душой и телом принадлежите мне. Запомните: только я могу вам приказывать, только мои распоряжения вы должны выполнять. Никто больше не может вас заставить что-либо сделать. Сейчас вы отправитесь на большой корабль, но с вами будут мои помощницы. Они научат вас новым приёмам нападения и обороны. Будьте старательны, вам скоро это пригодиться. На большом корабле много мужчин – это команда. Вам могут не понравиться многие их поступки, но не спешите наказывать провинившихся. Прежде, чем ударить, спросите разрешения у наставницы. И вообще, все спорные и неприятные вопросы вы должны решать с вашими наставницами.

Виолок поместили на корабль Эльвина, так как он был больше. Эльвин не очень обрадовался пассажиркам, чувствуя, что они доставят ему массу проблем и неприятностей. Но Льяна посоветовала держать своих людей в узде, и всё будет в порядке.

*

Покинув Виол, корабли взяли курс на юг. Там, в нескольких сотнях кемов, располагались небольшие скопления островов, заселённые, преимущественно, рыбаками под управлением местных князьков. Острова маленькие, и только один – остров Оллин – имел приличные размеры. На нём

находилось довольно большое поселение, а на прибрежных отмелях добывали прекрасный жемчуг и кораллы. Управлял островом правитель, именовавший себя лордом, хотя в подчинении у него находилась сотня полунищих рыбаков и земледельцев, живущих в глубине острова. «Дворец» лорда походил на лачугу, а вся «гвардия» состояла из трёх десятков плохо обученных и одетых солдат. Пираты всех мастей не раз грабили Оллин, поэтому лорд заключил с некоторыми из них договор, добровольно отдавая часть добытых кораллов и жемчуга, снабжая провиантом и предоставляя укрытие, в обмен на спокойствие и защиту от посягательств других искателей лёгкой наживы.

Этой информацией поделился с партнёрами капитан Кори, и Льяна решила, что Оллин идеально подходит для выполнения задуманного плана, и велела идти к острову. Капитан «Адориса», не ведавший о грандиозных планах пассажиров, удивился столь странному выбору места проживания, но послушно взял указанный курс.

Оллин оказался таким, каким Льяна представляла его в мечтах: небольшим, уютным, с высокими, крутыми, покрытыми зеленью берегами, с единственной удобной бухтой, которую легко защищать, с гористой центральной частью, обилием пресной воды и лесов. Прежде чем войти в бухту и пристать к шаткому деревянному причалу, Льяна попросила капитана обойти остров вокруг. Она стояла у борта, любуясь медленно проплывающими мимо берегами, и мысленно при-

кидывая, где что нужно сделать или построить в будущем. Альдрик стоял рядом и тоже смотрел на обрывистые скалистые берега, подмытые волнами, с которых свисали гирлянды ползучих растений, скрашивая угрюмую неприступность.

– Что скажешь? – спросила женщина, беря супруга за руку. – Разве этот остров не прекрасен? Разве ты не хотел бы владеть им и оставить в наследство детям? Не дом, не лошадь, не корабль, а целое государство! Ты правитель из древнего и сильного рода, разве справедливо оставлять потомкам полуразрушенную хижину? Мы построим здесь прекрасный дворец, воздвигнем город и покорим соседние острова! Мы создадим настоящее королевство, и наши дети и внуки будут правителями, а не побирuşками в чужой стране.

Альдрик, тронутый страстью, с которой говорила супруга, склонился и нежно поцеловал её в лоб.

– Я согласен со всеми твоими доводами, дорогая. Ты права всегда и во всём. Я слишком долго спал, но теперь я проснулся и жажду деятельности. Мы возьмём этот остров и создадим на нём всё, о чём ты мечтаешь!

*

Обойдя вокруг Оллина, два корабля вошли в бухту и пришвартовались у причала. Их появление не вызвало особого интереса, потому что на Оллин иногда забредали корабли свободных торговцев, в поисках выгодного фрахта или товара.

Льяна переделалась в боевые доспехи и перешла на ко-

рабль Эльвина. Тот уже вооружил и приготовил к бою своих людей. Семар тоже построила виолок, готовых к схватке. Льяна выступила перед ними с краткой речью:

– Сёстры, мы пришли сюда, чтобы подчинить этот остров своей власти. Сейчас мы сойдём на землю и будем убивать всех, кто окажет сопротивление. Но не трогайте тех, кто уступит вам дорогу или спрячется. Когда захватим дом правителя – можете убить всех, кого там встретите, кроме слуг и рабов. Пленных не брать, на слёзы и мольбы не поддаваться. Часть из вас пойдёт с принцем Альдриком – оберегайте его жизнь, как свою честь! Вторая часть пойдёт со мной. Вперёд, девочки мои, и да будет с нами удача и благословение Богини-Матери!

Виолки подняли вверх мечи и прокричали боевой клич, больше похожий на визг разъярённого гиззарда.

Семар разделила отряд, и с двумя помощницами отправилась к Альдрику. Сама осталась с госпожой. Ещё три виолки остались присматривать за капитаном и командой «Адориса», которые до последней минуты не догадывались, что собираются делать пассажиры. Это были самые сильные и самые опытные девушки, и Льяна не беспокоилась за тыл, веря, что они сумеют управиться с командой в случае непредвиденной ситуации.

Отряды сошли на берег, развернулись в боевые порядки и вступили в селение. Людям приказали убивать всякого вооружённого человека, будь то мужчина, женщина или ребёнок.

нок. Эльвин строго запретил своим грабить, сказав, что они пришли сюда не на день, а навсегда, а собственный дом не грабят.

Аборигены сначала и не поняли, что на них совершенно нападение, а когда опомнились – стало уже поздно. Захватчики добрались до «крепости» правителя, обнесённой деревянным частоколом, и без труда захватили её, устроив внутри настоящую резню. Спустя несколько часов всё закончилось, и на Оллине не осталось ни одного представителя старой власти, ни одного его воина или домочадца. Отныне остров принадлежал Альдрику, Льяне и Кори, о чём тут же объявили согнанным на площадь испуганным жителям.

– С этой минуты все прежние законы, указы, распоряжения и приказы отменяются, а долги в казну прощаются, – объявил Альдрик, выступая перед народом. – Мы напишем новые законы, более цивилизованные и гуманные. А пока живите прежней жизнью и ничего не бойтесь. От вас требуется только подчинение и лояльность, а я со своей стороны гарантирую, что ваше имущество, ваши жёны и дочери останутся неприкосновенными.

Это обещание казалось искренним, если бы на Оллине остались одни виолки. Но за людей Эльвина ручаться трудно. Потому, с согласия капитана, она отправила его покорять соседние острова, разрешив грабежи и насилие на их территории.

Через несколько дней весь Оллин и прилегающие острова

подчинились власти Альдрика и Льяны. Первое, что они сделали – начали укреплять порт и строить сооружения, предназначенные для защиты бухты от нападения пиратов. Когда укрепления были готовы, началось строительство королевского замка. Альдрик лично начертал его план и руководил работами, с головой погрузившись в это дело, всё остальное оставив на супругу. Льяне пришлось самой решать все административные и хозяйственные проблемы. Как-то так незаметно сложилось, что она стала истинной правительницей Оллина, его первой и единоличной королевой, а звание правителя и супруга королевы отныне стало лишь почётным титулом.

*Преданье старины глубокой...
С тех пор прошло немало лет.
И королева, и виолки,
Увидели страны расцвет.
Великолепный вырос город
На месте хижин рыбаков.
И королевские галеры
Достигли дальних берегов.
И мир узнал о необычных,
Прекрасных женищинах с мечом,
И к бою, и к любви привычных,
С пылающим в глазах огнём.*

К о н е ц

2008 год